

18+

МИХАИЛ
КОССОИ

ВВЕРХ
ПО СТЕЧЕНИЮ

утопический роман

Михаил Коссой

**Вверх по течению.
Утопический роман**

«Издательские решения»

Коссой М.

Вверх по течению. Утопический роман / М. Коссой —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530994-5

Вышедшая из берегов река угрожает разрушить новомодный жилой район в небольшом городке. Городская управа решает вживить в население устройства место-положения, чтобы легче искать унесенных водой людей. Однако устройства оказываются импортным гаджетом для веселых вечеринок. Так намерение градоправителей вступает в конфликт с реализацией, причем прямо под кожей у горожан. Все закончится хорошо, то есть — спойлер! — утонет все, кроме новых способностей жителей и ощущения, что вместе веселее.

ISBN 978-5-00-530994-5

© Коссой М.
© Издательские решения

Содержание

День тридцать первый	6
День первый	9
День второй	15
День девятый	20
День десятый	31
День тринадцатый	38
День четырнадцатый	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вверх по течению Утопический роман

Михаил Коссой

© Михаил Коссой, 2021

ISBN 978-5-0053-0994-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День тридцать первый

– Если с другой стороны посмотреть, – сказал Толик, глядя из окна моего кабинета на противоположный берег реки, – то оно и к лучшему. Хоть оглядеться можно.

Он повернулся ко мне, похлопал себя по шее и вдруг спросил:

– Есть что-нибудь почитать?

Я на мгновение замешкался. Толик оценил выражение моего лица, сдвинул брови и добавил:

– Я серьезно! Делать-то на вашей вахте больше нечего.

Тридцать с лишним лет тому назад, когда Толик был моим одноклассником: невысоким плотным парнем с большой круглой головой, он непрерывно числился крепким троечником. То ли учителя жалели его, то ли себя – вдруг останется на второй год? – но за все школьные годы Толик ни разу не открыл ни один учебник. Во всяком случае, я никогда не видел его с какой-нибудь открытой книгой тогда и очень сомневаюсь, что он читал что-нибудь после, хотя мы и не виделись с самого выпускного вплоть до последних дней, когда по течению обстоятельств он стал вахтером в Институте культуры, где служу и я.

Надеюсь, это объясняет мое удивление и неловкую заминку, которую я поспешил исправить:

– Пожалуйста! Конечно! – я встал из-за своего рабочего стола и подошел к книжному шкафу. – У меня тут, правда, художественной литературы мало. Даже не знаю, что тебе предложить...

– Все равно, – буркнул Толик и ткнул мясистым пальцем в стекло напротив книги с розоватым корешком. – Вот эту.

Я достал книжку, и мой школьный знакомец Толик, он же отец семейства и уважаемый в городе человек по имени Анатолий Антонович, он же бизнесмен средней руки по прозвищу «Толя-лесобаза», впервые за почти полвека своей жизни открыл книгу и, как багровеющий залысынами второклассник, стал складывать слова в предложения.

– Задайте себе вопрос... – медленно читал он вслух, – ... часто ли вам кажется, что ваша жизнь складывается не так, как вам бы хотелось? Если это случается хотя бы раз в год, то эта книга для вас...

Толик поднял на меня хмурый взгляд.

– Это шутка такая?

Его недоумение можно было понять. Три дня тому назад вся его прошлая жизнь в буквальном смысле слова уплыла вниз по реке.

– Это книга по популярной психологии. Кто-то из студенток оставил, – объяснил я и развел руками: – Ты сам выбрал.

Толик покивал.

– Значит, повезло, – он хмыкнул и взвесил книжку в руке: – Узнаю, как второй раз не влипнуть.

Прочсть эту книжку до потопы Анатолий Антонович не мог, потому что тогда ему казалось, что у него все складывается так, как хочется, и он не стал бы читать дальше первой фразы, несмотря на то, что в действительности все было наоборот. Читать же ее сейчас уже не было смысла, поскольку три дня назад его жизнь уже сложилась так, как ему хотелось всегда, хотя и выглядело это опять наоборот, отчего он и пытался посмотреть на вещи с другой стороны.

Но разве ж можно отговаривать человека от чтения?

В первой же главе книги с розовой обложкой Анатолию Антоновичу была предложена удивительная для него концепция. Утверждалось, что люди мысленным взором постоянно видят разные картинки, вызывающие эмоциональную реакцию в теле, которая служит мотиватором поступков. Так все работает, даже если люди этого не осознают.

Скажем, видит человек себя на морском пляже с желтым песком, с лазурным горизонтом вдали и холодным коктейлем в руке, и ему эта картинка нравится, то есть наступает во всем теле некая благодать и теплая расслабленность. Это так приятно, что человек начинает к этой картинке стремиться и делать все, чтобы осуществить ее в реальности, например, покупает путевку в турагентстве.

Недаром же, говорилось в книжке, турагентства беспрестанно печатают солнечные пейзажи на своих плакатах! Они заставляют человека физически видеть ту картинку, которую он по недоразумению не видит в своей голове. При этом сила желания купить путевку напрямую зависит от качества печати и размера плаката, но это уже мелкие детали, о которых пусть рекламщики беспокоятся.

Прочитав это, Анатолий Антонович непроизвольно кивнул, поскольку мысль была проста, понятна и он был с ней согласен, хотя и относился к числу тех, кто никаких картинок не осознавал. Согласие выражалось в отсутствии мышечных напряжений, впрочем, этого он тоже не осознавал, потому что еще не дочитал до подробного рассказа о телесных реакциях.

Из этой концепции делался вывод, что человек способен менять свое состояние, а вслед за ним и поведение, просто внося поправки в мысленные картинки. Например, если кто-то ожидает нагоняй от начальника, то он видит этого начальника огромным, темным, нависающим и, разумеется, впадает в расстройство. Достаточно, говорилось в книжке, увидеть начальника маленьким, смешно суесящимся где-то под ногами и желательно в ярко-красном дурацком колпаке, чтобы расстройство ушло. Нагоняй при этом все равно случится, но воспринят будет легко, с еле сдерживаемой улыбкой и не вгонит в состояние стресса. Вуаля! Жизнь стала легче!

Анатолий Антонович прикрыл книжку, зажав страницами палец, и попытался это вообразить. Получалось у него не очень хорошо. Он ведь сам был начальником и себе самому, и работникам своей компании, которая занималась мелким строительством, торговлей разными стройматериалами и отдельными субподрядами в больших проектах. Начинать он еще в прошлом тысячелетии с торговли досками, откуда и взялось прозвище «Толя-лесобаза».

К моменту начала чтения его лесобаза тоже уплыла вниз по реке. «И какие, интересно, поправки можно внести в эту картинку», – рассеянно думал Анатолий Антонович, вспоминая уносимые течением пиломатериалы.

Это была обычная ошибка неофита. Поправки нужно вносить в мысленные образы, поскольку в картины, которые видны обычными глазами, уже ничего не внесешь. Анатолию Антоновичу следовало заняться этим раньше, и такая возможность у него была – студенткой Института культуры, которая полгода тому назад забыла в аудитории розоватую книгу, была его собственная дочь Вика.

Полагаю, Анатолий и ткнул именно в этот корешок, потому что подсознательно выбрал то, что уже видел в собственном доме. Точнее – в собственной восьмикомнатной квартире с двумя санузлами в новопостроенном городском районе с модным названием «Экотаун», прихотливые малоэтажные корпуса которого занимали довольно большую площадь в излучине

реки. Их возвели, когда я уже стал деканом факультета искусствования в институте на другом берегу, ровно напротив Экотауна. Из своего кабинета я мог видеть выходящие на реку окна апартаментов Толика, только не знал, что они его. Он не приглашал меня в гости. Он вообще вряд ли помнил о моем существовании до этого лета, впрочем, как и я о его, так что нам пришлось знакомиться заново.

Общее детство облегчает повторное знакомство. Если знаешь исходную точку и видишь перед собой текущую, остается провести между ними линию и биография человека становится в целом ясна. Конечно, линия жизни может быть как-угодно извилиста, но в среднем стремится к прямой. Впрочем, начать извиваться в любой момент.

Так сделала линия Анатолия Антоновича этим летом – заложила крутой разворот и пошла петлями. В противном случае, он бы не обратился за помощью к давнему однокласснику, чтобы устроиться в Институт культуры вахтером. Так близко к культуре Толик-лесобазы еще никогда не бывал.

Именно с набережной института он и наблюдал за уплывающими по реке досками со своей лесобазы и всем прочим. А его бывшая жена Марина, смотрела на это из окна моего кабинета, стоя рядом со мной. Она покачивала своей бритой наголо головой с первым светлым пушком новой прически и забавлялась зрелищем, хотя уплывала и ее жизнь тоже. Задор свидетеля грандиозного события смешивался в ней со светлой печалью и немножко с радостью от того, что я рядом. Во всяком случае, ее личный чип больше ничего не передавал.

Мы с Мариной были как раз в том возрасте, когда все чувства начинают становиться похожими на светлую печаль, но еще можно вспомнить, на что они походили раньше.

День первый

Весной озеро Верхнее, которое в полном соответствии с названием располагалось в холмах, километрах в десяти к северу от города, прогрызло край своей глинистой чаши и стало потихоньку из нее выливаться. Вода, стекая по распадку между двумя холмами, нашла себе путь к реке, отчего последняя стала необычайно полноводной.

В нашем городе, который расположен ниже по течению, это заметили не сразу. Сначала списывали на весенний паводок и таяние снегов. Однако уже стало и тепло, и сухо, всюду светило солнце, а уровень воды в реке убывать не собирался. Наоборот, он потихоньку прибывал.

Особенно хорошо это было заметно в старой части города, где река была забрана в набережные и не могла растечься вширь. Набережные были построены много десятков лет назад, а некоторые участки еще в начале прошлого века, и были проверены уже разными непогодами. И в этот раз они не дрогнули, на подлизывания реки не поддались и крепко держали ее в своих ладонях, из-за чего, протекая через город, река ускорила и морщила спину.

Экотауну, которому только должно было исполниться четыре года от роду, пришлось значительно хуже. У него не было набережных. От реки его отделял пляж из мелкого песка, предусмотрительно насыпанный в рамках маркетинговых усилий.

«Речной пляж в пешей доступности!» – гласила подпись под плакатом застройщика, компании «Полнострой». На плакате были изображены люди в шлепанцах и с полотенцами на плече, выходящие купаться прямо из своего подъезда. Очевидно, предполагалось, что такая картинка будет людям приятна настолько, что заставит их брать ипотеку.

Этот пляж вместе с песком, скамейками, кабинками для переодевания и забором река слизнула первым и подступила почти к самым зданиям первого ряда. Теперь Анатолий Антонович мог смотреть из своих панорамных окон на воду прямо вниз, что, однако, его не радовало. У него было нехорошее предчувствие, что пляжем река не ограничится.

Как назло, Экотаун был расположен в болотистой низинке, которая всегда была пустырем, заросшим диким ольховником. Сюда даже рыбаки не любили забредать из-за обилия комаров. Однако представители «Полнострою» убедили всех, начиная с господина мэра, что при современных методах строительства никакая заболоченность не страшна и можно наконец освоить этот столь близкий и бесхозный участок, дав городу новый район и уровень жизни. Наверное, перед их мысленным взором была картинка солнца, встающего над современными стильными зданиями, над благоустроенными дворами с детишками на разноцветных качелях и над улыбающимися новоселами. Что бы другое могло их так мотивировать на строительство Экотауна?

В начале лета, стоя у окна в своей квартире, Анатолий Антонович размышлял о том, что если река пополнеет еще немного, то потечет прямо по дворам Экотауна, вымывая утрамбованный грунт. От этого предположения перед ним, скорее всего, возникала картинка с тесным казенным помещением, где за столом сидел человек с жестким взглядом и папочкой с бумагами. Эта картинка была крайне неприятна – телесно она ощущалась как тяжесть в груди, стесненность дыхания и неудобство в пояснице. От нее хотелось бежать, потому что Анатолий Антонович знал, что написано в бумагах из папочки.

Там было написано, что по субподряду с «Полностроем» компания Анатолия Антоновича заливала в фундаменты домов Экотауна бетон не той марки, который был указан в архитектурном проекте.

Жители Экотауна не разбирались в фундаментах, но и без этого их волнение поднималось прямо вслед за уровнем воды. Не надо быть экспертом в строительстве, чтобы знать, что живешь на болоте.

Впрочем, беспокойство охватило не только их. К реке регулярно выходили и жители южного пригорода – обширного давно заселенного района, где в квадраты уличной сети были вписаны многочисленные частные домики с грядками, теплицами, баньками и сарайчиками. Район назывался «Низовка» – то ли потому что дома здесь были ниже городских, то ли потому что доход у жителей был невысок, а может, просто потому что на картах был расположен под городом.

Люди селились здесь давно, на твердой земле, никакого болота здесь никогда не было. Видимо, тот, кто планировал этот район, был более профессионален и менее романтичен, чем деятели «Полностроая». Однако река била рекорды и низовцы теперь за ней с подозрением послеживали с высоты песчаного берегового откоса.

Подтапливало подвалы и в историческом центре города, что привело к закрытию многих мелких кафе и магазинчиков. Смывало картофельные посадки выше по течению, не то чтобы обещая голодную осень – двадцать первый век все-таки – но если картошку сажают, значит это кому-то нужно?

Говорят, с приречного луга течением унесло даже чью-то корову. Однако это, скорее всего, просто слухи, потому что фотографий плывущей по реке коровы никто в интернете не опубликовал. Не все, что публикуют в интернете, правда, но уж то, чего там нет – точно фальшивка, не так ли?

Зато было полно фотографий и видео постепенно затопляемого Экотауна. Жители делились впечатлениями и возмущались новостями, в которых кратко упомянули промыв на озере Верхнем. Мало того! Они еще писали жалобы, звонили и даже ходили на прием к господину мэру. И это несмотря на то, что уже все нужные объяснения и заверения были даны: меры предпринимаются, ситуация под контролем! Что еще-то? Потечет-потечет, да и перестанет. Откуда такая паника? Кто это «раскачивает»?

Хотя определить кого-то конкретного никак не удавалось, господин мэр был искренне уверен в существовании таких сил. От этого ему было неприятно и беспокойно. А если на это обратят внимание важные люди из области? Или выше?

Господин мэр полагал, что негативная информационная картина – это его главная проблема, пока не встретился с людьми из «Полностроая» и не узнал про фундамент. Ходили слухи, что при этом известии он так растерялся, что откинулся в кресле, огляделся и сказал:

– Надо же предупредить людей...

Его попросили не молоть чепухи. Его приободрили и успокоили. Сказали, что все будет хорошо. Точно. Мол, есть план. Нужно немного денег, но все можно устроить.

– Сколько? – спросил мэр.

Ему назвали сумму. Он поинтересовался в своем ли полностроевцы уме? Ему улыбнулись.

В точности ли это было так или нет, я не знаю, за достоверность ручаться не могу. Однако это и не столь важно, это ведь история не про строительную коррупцию.

План полностроевцев был в том, чтобы на повороте реки поставить монументальную набережную. Тогда вода заворачивала бы по руслу, а не текла прямо сквозь Экотаун.

Идея прекрасная, но денег мэру в области не дали, а только в свою очередь поинтересовались, в своем ли уме он сам.

– Выкопай отводную канаву, – сказали ему. – Мешки с песком положи. Ты там мэр? Ты и решай.

– Вот что! – сказал Анатолий Антонович за ужином в обширной столовой восьмикомнатных апартаментов. – Поездка на море отменяется.

Жена Марина – тогда еще с бесцветно-русыми волосами до плеч, собранными в хвост на затылке – повернула голову от плиты, дочь Вика подняла глаза от телефона, а сын Эдик перестал жевать длинный хвост маринованной черемши.

Они были удивлены, поскольку семейная поездка в отпуск была многолетней непререкаемой традицией, созданной самим главой семейства. В представлении Анатолия Антоновича так выглядела настоящая семья – он сам во главе стола, слева жена, по сторонам дети. Все обращаются к нему за советом, а он дает им мудрые наставления. Эта картинка вносила в его организм успокоение и ощущение, что он все в жизни делает правильно.

Однако в суете будничного житья редко удавалось собрать всех вместе и реализовать эту картину на практике: дети недостаточно часто обращались за советом, а его наставления были недостаточно мудры. Последнее он списывал на постоянную усталость от предпринимательской жизни. Недостаток правильного положения вещей Анатолий Антонович восполнял как раз во время поездок, когда никто не мог от него сбежать, хотя бы потому что он заведовал кошельком.

– Это как это? – обрела наконец голос дочь. – Что? Вообще не поедем?

– Ты видишь, что творится? – спросил в ответ отец и махнул рукой в сторону панорамного вида на реку. – Что угодно может произойти, и я должен быть здесь, чтобы вовремя все разрулить.

– Что может произойти? – спросил Эдик.

– Что угодно! – с нажимом повторил Анатолий Антонович, намекая, что дальнейшие расспросы неуместны.

Расспросы были, конечно, вполне естественны, однако у него не было на них достойных ответов. Не мог же он, в самом деле, сказать, что их дом, как и все соседние, стоит на фундаменте из дешевого бетона, вместо того, который был обязателен для заболоченной местности, и что подмену совершил он сам. Такой поступок был не к лицу человеку, который сидит во главе стола и раздает мудрые наставления. Такой человек не совершает подлогов! Опасаясь повредить своему образу в головах детей, Анатолий Антонович и не стал ничего рассказывать.

Это привело к тому, что снаружи он выглядел слегка встревоженным, но по-прежнему авторитетным отцом и мужем, а внутри чувствовал страх и неуверенность. Разница между внутренним состоянием и внешним видом создает в организме напряжение, как разница зарядов на концах электрической цепи. Анатолий Антонович не стал светиться, как встроенная в эту цепь лампочка, но почувствовал, что потихоньку нагревается, как комнатный отопитель. Вранье – ужасно энергозатратное занятие.

– Но это наводнение, оно же не навсегда? – попыталась внести нотку оптимизма жена Марина.

– Будут строить набережную, – поделился Анатолий сведениями от доверенных людей из мэрии. – Чтобы вернуть реку в русло.

– Так уж давно пора! Чего ж тянут? – ухмыльнулся Эдик.

– Проект составляют! – непроизвольно повысил голос отец. – Не хватало только, чтобы ее тоже смыло, как пляж.

– Ну-ну, – Эдик снова взялся жевать черемшу.

– Это какой-то отстой! – сказала Вика и вышла из столовой.

Анатолий Антонович нагрелся внутри себя еще немножко, но ничего не сказал. Забавно, что если бы он в тот момент представил себя не в виде массивной и благородной фигуры из полированной бронзы во главе стола, а маленькой тряпичной хихикающей фигуркой в ярком красном колпаке где-то сбоку – он бы спокойно поведал о содеянном, ведь такой образ трудно испортить, и никакого внутреннего нагрева! Но тогда он еще не читал розоватой книжки.

На самом деле, конечно, Анатолий Антонович, не мог всерьез повредить бронзовому образу самого себя в головах детей, поскольку такого образа в их головах и не было. В голове у дочери Вики отец был неясным сизоватым силуэтом на самом краю ее мысленной картины мира. Что-то вроде отдаленной трубы теплостанции – немного портит общий пейзаж, но всерьез не досаждаст. Именно поэтому на семейном совете Вика была неприятно удивлена.

– Это какой-то отстой! – сказала она и ушла к себе в комнату в состоянии крайнего расстройства, чувствуя, как сизая мгла от отцовского силуэта затемняет и затуманивает картинку солнечного побережья с ее собственным сверкающим каплями силуэтом посередине. Силуэт, кстати, был в новом купальнике.

Вообще, почти все мысленные картинки Вики имели в середине ее саму в каком-нибудь выгодном ракурсе. Например – вид в рост, снято в три четверти сзади и чуть снизу, она вглядывается вдаль, слегка присогнув одну ногу, опирающуюся на носочек. Вика где-то вычитала, что такая поза акцентирует некоторые эффектные линии тела, и это было похоже на правду. Иначе откуда бы под такой картинкой появлялись лайки?

Дело в том, что большинство изображений, проходящих перед мысленным взором Вики, можно было найти в ее инстаграм-профиле и поставить под ними лайк. Очень удобно.

Вика любила лайки, прикладывала усилия к тому, чтобы их получать, и уже набрала несколько сотен подписчиков. Поддержание блога требовало постоянного создания образов себя, и поездка на море могла бы помочь – одни длинные голые ноги на фоне моря чего стоили! И вдруг нате вам! Из-за какого-то подтопления все планы насмарку!

Вика дошла до своей комнаты и села на кровать. Что теперь делать? Ну не фотографировать же себя, в самом деле, в шлепанцах с полотенцем на плече во дворе дома! Это только строителям могло прийти в голову, привлекать кого-то такими изображениями!

Вика смотрела в стену, потихоньку наливаясь обидой, чувствуя себя обманутой и бесильной. В двадцать лет любая дымка на будущем похожа на непроглядную тьму. Интересно, как быстро изменилось бы ее настроение, узнай она, что благодаря отмене семейного путешествия аудитория ее блога вырастет в пятьдесят раз?

Я несколько раз заглядывал в викин блог в инстаграме. Между нами говоря, являть Вике, как и тысячам ее сверстниц, было особенно нечего, кроме цветущей юности, претендующей на загадочность. Однако, найдите мужчину под пятьдесят, который без удовольствия поглядывал бы на фотографии юных дев с правильно акцентированными линиями!

Скажу честно – на линии Вики я поглядывал анонимно, на профиль ее не подписывался и лайки не ставил. Делал я это из соображений педагогической корректности, ведь Вика училась в моем институте. Я, правда, читал ее группе лишь один курс лекций, поскольку она числилась не на факультете искусствоведения, деканом которого я был, а на факультете «Связи с общественностью» или на иноязычный манер «PR менеджмент».

Связь этой специальности с культурой оставалась загадкой даже для преподавателей. Однако связь культуры вообще с этим городом была еще меньше, поэтому решено было завести в институте хотя бы какое-то современное и актуальное направление. Во всяком случае, когда определялась викина послешкольная судьба, в названии этого факультета ее родителям послышалась какая-то будущность.

Ее мама даже предприняла некоторые усилия для того, чтобы Вика благополучно поступила. В частности, она тщательно изучила разнообразные бумаги на стендах приемной комиссии, встретила там знакомую фамилию и подумала, что этот человек мог бы оказать содействие, как старый знакомый. Фамилию она нашла, разумеется, мою.

Марина, училась в той же школе, что и мы с Толиком, но была на год нас младше. У нее были от природы светлые волосы, правильные черты лица, серые с оттенком голубого глаза и прямой нос, чуть-чуть широковатый в переносице, что ничуть ее не портило, а только придавало пикантности.

Я танцевал с ней пару, может, тройку раз на школьных дискотеках. Она была довольно высокой, хорошо сложена и очень легко и послушно двигалась. Я не преувеличу, если скажу, что она была самой красивой девочкой не только в своем классе, но и во всей старшей школе, только об этом никто не знал. В первую очередь потому, что об этом не знала она сама.

Если у ее дочери Вики в центре любой мысленной картинке всегда находилась сама Вика, то Марина на своих картинках просто отсутствовала. Никогда она не видела себя мысленно со стороны, что-то делающей или находящейся в какой-то ситуации. Потому она и не знала, что вообще надо как-то выглядеть. Разумеется, она бывало разглядывала себя в зеркале, понимала какую одежду по какому случаю надеть, но понимала это только умом и по необходимости. Никакой тяги к выбору наряда она никогда не ощущала, никакой радости или огорчения от одежды не испытывала, что уж говорить о макияже!

По той же причине – собственному отсутствию в своих мысленных картинах – Марина не имела и желания вмешиваться в окружающую жизнь. Если ее там нет, то не очень-то много от нее зависит, не правда ли? Она делала то, что полагалось делать, а жизнь сама по себе шагала рядом, не обращая на Марину особого внимания.

Вместе с жизнью мимо Марины прошагал и я. А ведь я-то знал, что она самая красивая девочка в старшей школе! Знал неясно, неотчетливо, ни разу не обозначив этого какими-либо словами не то что вслух, а даже в предсонных мыслях, но ведь знал! Утешает лишь то, что только со временем я узнал, что знал это с самого первого танца. Проходили годы, случалось всякое, я успел жениться и развестись, но не встретил ничего сравнимого с удовольствием от ее легких и послушных движений и со своим душевным томлением от дружелюбного взгляда чуть широко расставленных серых глаз. Может, столь волшебна была Марина, хотя, скорее, это всего лишь острота юношеских впечатлений.

Можете мне не верить, но через тридцать с лишним лет я узнал ее голос в трубке моего рабочего телефона еще до того, как он представился ее именем! Я даже встал и разговаривал стоя, словно мне позвонили из ставки главнокомандующего.

Марина попыталась неловко напомнить о нашем школьном знакомстве – ха! я помнил каждое ее движение и упругость ее талии в правой ладони – сказала, что теперь уже вот и дочь ее поступает в институт...

– Конечно! – сказал я тут же, не обременяя ее необходимостью просить. – Я конечно... М-м... Окажу содействие...

– Спасибо большое! – сказала Марина искренне, и повисла пауза, в которой никто не знал что и как говорить.

Никакого содействия не понадобилась. Вика прекрасно поступила и сама, на общих основаниях. Она, в отличие от папы, была почти отличницей. Я лишь осторожно проследил за процессом, а ведь ради воспоминаний о паре-тройке танцев с ее мамой готов был и на руках внести ее в институт! Вот бы Вика удивилась!

Ладно! Что уж теперь лукавить...

В разные вечера я танцевал с Мариной четыре с половиной раза. На второй минуте последнего танца перегорели пробки, в актовом зале погас свет и заглох магнитофон. И догадайтесь, что произошло между мной и Мариной в полной темноте посреди школьной дискотеки?

Правильно – ничего! Я стоял столбом и, кажется, тупо шутил про погасший свет, пока нас не поволокло толпой к светлому прямоугольнику выхода.

Вопрос – может ли мужчина солидных лет всерьез винить подростка старшеклассника в неопытности чувств и неспособности решиться на то, чтобы сказать девочке, что она самая красивая, и поцеловать ее в случайной темноте?

Ответ – может. И еще ого-го как!

День второй

Брат Вики, Эдик, в отличие от самой Вики был рад отмене семейного отпуска. Он был уже вполне перезревшим фруктом на ветви семейного дерева, но все никак не мог отломиться и упасть.

Эдик был уверен, что виноват в этом прежде всего отец, который в голове сына выглядел похожим на бетонный барьер у блокпоста. Общая же картина была такая: сам Эдик стоит на пересечении множества дорог и тропинок, но каждая из них в нескольких десятках шагов от перекрестка перегорожена бетонным блоком. Куда бы Эдик не пошел – либо отец не одобрял этого пути, либо не поддерживал, а значит, лишал Эдика средств, чтобы по этой дороге двигаться. Неудивительно, что Эдик чувствовал себя запертым и от этого несчастным.

Некоторые блоки в его голове действительно поставил папа. Однако большинство было воздвигнуто самим Эдиком, хотя он об этом и не знал. Он просто боялся, что если он пойдет по этой тропинке, то отец начнет возражать. Так бывает – сын лучше знает, как поведет себя папа, чем сам папа. Это приводило к тому, что Эдик и не пробовал туда ходить. Да и в самом деле – зачем? Очевидно же, что там блок!

На практике все это выражалось в том, что в свои двадцать четыре года Эдик не знал, кто он и чем занимается. Закончив школу, он уехал в областной центр учиться в университете какому-то программированию, но после выпуска там не прижился. Пристроился вроде бы в какую-то фирму, но платили там мало, а командовали чересчур много. По крайней мере так это описывал сам Эдик. Со словами: «Быть программистом можно и на фрилансе – интернет есть везде!», он вернулся домой, но удача отвернулась от него.

Он брался за чьи-то заказы, но они были все, как на подбор, тупые. Подряжался на удаленную работу в команде, но его там не ценили. Начинал собственные проекты, но ни один не довел до конца, потому что не мог понять, нужны ли они кому-то, кроме него самого.

Отец же никак не способствовал, а только мешал. Он не давал достаточно денег, чтобы привлечь соратников к задумкам, и вообще смотрел хмуро, считая работу на дому баловством. Два компьютера, четыре огромных монитора и большое кожаное программистское кресло, которые Анатолий Антонович купил сыну по возвращении того из областного центра, Эдик за поддержку не принимал.

Главным же препятствием во взаимоотношениях стала саркастическая ухмылка отца, когда Эдик имел глупость поделиться с ним своим сокровенным замыслом.

Эдик хотел написать роман.

Очень.

У него даже был замысел футурологической антиутопии. Представьте – люди на земле все больше оказываются втянуты в переписку, обмен фотоками и прочие коммуникации через глобальную сеть, а в реальности встречаются все реже. Население земли начинает потихоньку сокращаться. По сети можно сделать почти все и даже заняться виртуальным сексом к совершенному удовлетворению всех участников, но только не зачать.

Людей все меньше, города и целые регионы приходят в запустение. Останавливаются фабрики и заводы, зарастают поля, носороги ходят по городским улицам. В финале романа остается несколько переписывающихся по сети людей на разных сторонах глобуса, которые уже не могут друг до друга добраться, потому что нет транспорта. Один за другим умирают и они, гаснут огонечки их ip-адресов на карте. В конце остается безлюдная Земля, над которой несутся в вечном своем усердии спутники связи, дающие глобальное, но никому теперь уже не нужное покрытие.

Финал Эдику очень нравился – трогал его до слез и вызывал катарсис. В такие моменты Эдик мысленно видел себя реющим в поднебесье, над запрокинутыми вверх лицами людей,

наподобие унесенной ветром простыни. Оттуда, с высоты, Эдик скромно, но достойно улыбался человечеству, благодарящему его за предупреждение. Чувствовал он себя при этом замечательно – был счастлив соразмерно собственному творческому и интеллектуальному потенциалу, как он сам его оценивал.

Начало романа нравилось Эдику меньше, потому что он никак не мог его придумать. Однако он всерьез собирался начать. Вот-вот.

Когда Анатолий Антонович услышал об этом случайно за ужином, он даже ничего не сказал. Лицо, однако, у него непроизвольно сделалось такое, что Эдик и без слов все понял. На узенькую, но самую манящую тропинку в его мысленной картине с грохотом пал самый увесистый бетонный блок. Ощущения у Эдика были такие, будто душа его была хвостом, который этим блоком придавили.

Впрочем, Анатолия Антоновича осуждать трудно, вы же помните в каких отношениях он был тогда с литературой?

С бетонными блоками Анатолий Антонович был в гораздо более близких отношениях. Когда четыре года тому назад к нему пришли люди из «Полнострою» и намекнули, что бетон для фундаментов в Экотауне лучше бы использовать подешевле, а сваи под здания забивать на метр пореже, он очень расстроился. И даже не потому что разницу в стоимости предлагалось почти полностью отдать «Полнострою».

– Может ведь рухнуть, – сказал он.

– А может и нет, – весомо возразили ему. – В проекте все с запасом было. Не закапывать же деньги в землю.

– Но я... – Анатолий не знал, как, не обидев солидных людей, выразить мысль о том, что ему не хочется быть крайним, если все же рухнет.

– Можем отдать контракт областным, – сказали ему многозначительно.

Подразумевалось, что после этого больше к нему обращаться не будут. А наоборот станут чинить препятствия. Анатолий промолчал, потому что «Полнострой» после долгой борьбы остался в городе единственным застройщиком.

– Все будет в порядке, – сказали ему и похлопали по плечу.

Это был момент, когда оказываешься на грани допустимого. Быть на грани довольно неудобно – как долго сидеть на узких перилах, которые врезаются в зад. И Анатолий Антонович начал ерзать, что с его комплекцией даже мысленно делать крайне затруднительно.

Шла бы речь об укладке асфальта на слабый грунт – вопроса бы не возникло. Ну просядет покрытие, и что? Машины яму объедут, а потом и залатать можно. Или остановка автобусная упадет из-за ржавого каркаса – заменить дешевле, чем ставить ее как надо. Но жилые здания?

Инженерных знаний, чтобы оценить запасы прочности в проекте, у Анатолия Антоновича не хватало, но всем своим опытом, сосредоточенном в спинном мозге в области седьмого грудного позвонка, он чувствовал неладное.

Если бы только можно было знать наверняка – рухнет или нет! Если да, он бы, разумеется, отказался! И плевать на доход, плевать на бизнес – можно уехать в другой город, начать другой бизнес, да мало ли что! Все это не стоит того, чтобы оказаться виноватым в обрушении целого Экотауна, даже если чудом обойдется без жертв!

Сам не зная того, Анатолий Антонович разглядывал в тот момент разные мысленные картинки. Несложно посчитать, что две бинарные предпосылки: «брать контракт – не брать» и «рухнет – не рухнет», в сумме дают четыре возможных варианта. Вот все четыре он и разглядывал.

Для случая, если он пойдет на поводу у «Полностроая», а с Экотауном ничего не произойдет, никакой картинке и не нужно было. Можно было просто оглянуться вокруг. Все будет как всегда.

Картинка, где он берет контракт, а дома падают, представлялась Анталию весьма смутно. По ней ползли какие-то языки то ли тумана, то ли поднявшейся цементной пыли, суетились маленькие фигурки людей. Вся она была нечеткой, неясной, норовила потемнеть и вовсе из мысленного взора исчезнуть. Впечатление она производила кислое, но такое же ускользающее и неотчетливое.

Другие две были куда более яркими! На первой он, как водится, восседал во главе стола и сообщал благоговейно замеревшим членам семьи и товарищам:

– Главное – это чутье! Понимать надо, когда можно, а когда нельзя! Поэтому я тот контракт не взял. И как видите – был прав!

Все окружающие видели, потому что картинку сопровождали меняющиеся виды обвалившихся с дохлого фундамента зданий.

В последнем же видении Анатолий видел себя угрюмого, растерянного, похудевшего, потерявшего свою фирму и не знающего, как теперь содержать семью. Это картина была удручающей сама по себе, но невыносимой ее делал фон – на нем издевательски поблескивали окнами на солнце Экотаун без единой трещинки в фундаменте, и радостно улыбались жители с полотенцами на плече. Это вызывало в организме реакцию мучительную до зубовного скрежета

Анатолий Антонович сморгнул и мысленно попятился прочь от самого болезненного варианта. Разумеется, того, который был наиболее опасен для образа человека во главе стола. Там не может находиться посмешище, неудачник, испугавшийся непонятно чего.

– Не надо дергаться! – сказал Анатолий самому себе.

Солнце ведь светит. И завтра будет светить. Все будет в порядке. Так ведь сказали мужики из «Полностроая»? А им ведь лишние проблемы тоже ни к чему. Они ведь в проектах разбираются, а значит, знают, что делают. Правда?

Злые языки могут сказать, что все было гораздо проще и Толик-лесобаза сэкономил на сваях и бетоне, просто потому что получил в подарок от полностроевцев восьмикомнатную квартиру с панорамным видом на реку. Действительно, получил. И взял. Однако не стоит упрощать Толика до такой степени. Квартира была совсем не определяющим фактором, а всего лишь приятным бонусом.

Как и обещали солидные люди, все было хорошо, пока озеро Верхнее не решило прогрызть дыру в своем собственном ложе. И теперь, глядя на плещущую под окнами воду, Анатолий Антонович чувствовал себя жестоко обманутым. Как это можно было предусмотреть?! Почти триста лет – сколько тут стоит город – озеро спокойно лежало себе в холмах и прохудилось именно тогда, когда он принял неверное решение!

Такой чистой и острой обиды на несправедливость мира Анатолий Антонович не испытывал с тех пор, как в детском саду его поставили в угол за то, что колесо у желтого самосвала отломал другой мальчик.

Анатолий отошел от панорамных окон на реку, переместился в гостиную и посмотрел во двор. При беглом взгляде все было в порядке. Однако он знал, куда смотреть – в ливневые стоки. С третьего этажа их, конечно, в деталях не разглядишь, но в отверстиях под бордюром что-то подозрительно поблескивало и асфальт рядом был темным, словно его кто-то облил влажным языком.

В целом, окружить Экотаун высокой набережной было неплохой идеей. Однако это займет несколько недель при самой срочной спешке. И все это время там, в глубине, вода будет уносить песчинку за песчинкой, ослабляя и без того болотистый грунт, расшатывая прореженные сваи и обнажая бетон не той марки. Анатолий Антонович поджал губы и нахмурился на мокрые пятна так, словно мог их загнать обратно в стоки одним взглядом.

Это ему, конечно, не удалось. Может, взгляд был недостаточно твердым, а может, потому что его отвлекли. Открылась дверь и в гостиную вошли Марина и Эдик.

– Покажи, покажи! – сказала Марина.

Эдик протянул отцу планшет, на котором прокручивалось какое-то видео.

– Глянь, что показывают!

Возможно, идея сделать интернет-коммуникацию центральной темой романа появилась у Эдика, как раз потому что он сам был активным ее участником. У него не было собственного блога, как у сестры, зато он был завсегдатаем комментариев в социальных сетях. Эта деятельность, увы, отвлекала его от будущей книги и не давала сосредоточиться – всегда же есть актуальная тема, жаждущая комментария! – однако оттачивала перо и снабжала материалом для художественного осмысления.

Неутомимо и порой неистово он разьяснял, осуждал, отстаивал, обрушивался, выводил на чистую воду. Порой в полемическом пылу он даже утверждал в одном комментарии то, что в соседнем опровергал. Ну, с кем не бывает!

Зато в процессе он замечательно себя чувствовал! Кто-то уделял время его рассуждениям или даже вступал в дискуссию, а это значит, он был кому-то важен, интересен или хотя бы кого-то бесил. Фактически только в процессе такого общения он чувствовал себя существующим. Что, впрочем, неудивительно – как еще узнать, существуешь ты или нет, если ни с кем не переписываться?

Единственным раздражающим моментом было то, что спорить приходилось в основном с идиотами. Даже найдись у них сколько-нибудь связная мысль, выражалась она косноязычно, криво и запутанно. Достойного оппонента удавалось найти нечасто. Сам Эдик был отчетлив, прям и блестяще краток. Он был в этом уверен. Возможно, потому что собственные комментарии перечитывал редко.

Побочным следствием сетевой активности Эдика была его осведомленность в том, что у людей на слуху в данный момент. Последнее время у всех на слуху был, собственно, разлив реки и особенно бедственное положение Экотауна. Интернет был забит фотографиями и видеороликами наводнения, их можно было найти везде, кроме городского новостного портала.

Люди возмущались, острили, приводили цитаты из предания о потопе – или уж сочиняли свои, кто разберет? Эдик, разумеется, не оставался в стороне, тем более что мог комментировать непосредственно с места событий. Его реплики закрывали диапазон от «Перестаньте паниковать, обычный паводок, может чуть подольше!» до «Если есть куда бежать – самое время! Не будь угроза реальной, мэр бы уже объявил себя победителем!», включая «Есть, о чем задуматься, достоверно знаю, что строители в городе отменяют отпуска».

Честно говоря, Эдик написал все возможное уже раза по два-три. Да и авторы фотографий стали уставать. Сегодня потоп стал на сантиметр выше – это же не новость, правда? И тут Эдик нашел эпическое видео. И не где-нибудь, а на канале «Dream-п-дрема» самого Дениса Дримкина – городской достопримечательности национального масштаба.

Этим видео Эдик и пошел поделиться с матерью.

– Надо отцу показать, – сказала Марина, вытирая руки кухонным полотенцем. – Пойдем, пойдем.

Видеоблогер Денис Дримкин был звездой в полной мере этого слова. Количество подписчиков у него на канале превосходило население нашего города почти в десять раз, и смотрели его по всей стране. Вероятно, из-за общей оптимистичности. Он снимал ролики под девизом: «Воплощу твою мечту!», хотя работало это не совсем так, как вам могло бы показаться.

Подписчики делились с Денисом заветными желаниями, а он их исполнял для себя. Кто-то мечтал поучаствовать в сафари – Денис отправлялся в Африку и вел живой репортаж. Кто-то хотел спрыгнуть с парашютом – Денис шел на курсы и снимал ролик камерой на шлеме. И далее все в таком роде: устраивал гулянку с кубинскими девчонками на гаванском пляже, залезал в архивы шотландского музея привидений, ел жареных скорпионов в Пекине. От желающих посмотреть, как Денис воплощает их мечту, не было отбоя. Как бы странно это ни было!

Такой ролик выходил раз в несколько недель. В остальное время Денис в эфире отбирал темы, планировал поездки или просто болтал со зрителями о том о сем, как правило, избегая острых тем.

С его доходами Денис мог давно переехать в столицу, причем почти любой страны, но он принципиально сохранял верность родным краям. Три года назад он перебрался в новенький тогда Экотаун, утаив это от поклонников в попытке сохранить приватность. Если он вещал из своей студии, то снимал так, чтобы в кадр не попадали окна, если выходил на улицу, то включал камеру подальше от дома. Однако невозможно устоять, когда эксклюзивные сюжеты скребются прямо в твоё окно. Денис изменил собственным правилам и включил телефон.

На записанном видео у одного из корпусов Экотауна был виден большой черный внедорожник, стоящий немного носом вниз. Вот он рывком дает задний ход, потом снова движется вперед, забирая левее. Морда его вдруг проседает под асфальт, навстречу выплескивается вода. Машина пытается снова сдать назад, но только наклоняется все больше. Отваливается вперед и вниз дверца, из проема выпадает здоровый мужик, оступаясь в заполненную водой яму. Он на четвереньках отползает в сторону, встает, оборачивается. К этому моменту от машины над водой остается только крыша, а через пару мгновений скрывается и она. Общая продолжительность видео – восемь с половиной секунд.

– Это не спецэффекты, друзья! – комментирует Денис, снова и снова повторяя фрагмент, в приближенном и замедленном виде. – Это реально произошло только что прямо у меня на глазах! Счастье, что человек выпрыгнул. До какого состояния надо было довести дороги, чтобы такое происходило? Я не специалист, но там же по идее должен быть песок, гравий какой-то. Вот посмотрите, посмотрите...

С этими же словами Эдик и появился на кухне, где нашел мать, а затем повторил их отцу в гостиной:

– Посмотри! Это два часа тому назад во дворе шестого корпуса! Теперь вся страна знает, что тут у нас...

Нельзя сказать, что это как-то обрадовало Анатолия Антоновича.

Господина мэра тоже.

День девятый

Через неделю после того, как господин мэр был расстроен видео с тонущим автомобилем, на городском новостном сайте появилось сообщение:

«В связи с неблагоприятными гидрологическими явлениями законодательное собрание города приняло закон о предупреждении ситуаций, угрожающих жизни и здоровью населения. В целях облегчения работы антикризисных служб и улучшении мониторинга обстановки закон содержит положение об обязательной имплантации вводимых на территории района устройств местоположения жителям города и других населенных пунктов, расположенных вдоль русла реки.»

Дальше следовало еще две страницы такого же изящного текста, объясняющие все выгоды от «использования устройств местоположения», под которыми подразумевались чипы, вживляемые непосредственно в представителей населения. Утверждалось, что это поможет проследить за тем, где находится ребенок или пожилой член семьи, четко сообщить о том, где произошло чрезвычайное происшествие. А самое главное – «быстро и эффективно оказать меры спасения в случае уноса гражданина водным потоком».

Контроль за тем, чтобы население не ускользнуло от собственной безопасности возлагался на силы правопорядка. Этой фразой сообщение и заканчивалось.

Население, однако, принялось читать между строк и, как водится, вычитало там много интересного. Говорили, что до этой мысли додумалось вовсе не законодательное собрание и даже не господин мэр – идею подали люди из «Полнострога».

– Сам подумай, – сказали они мэру, – под прикрытием наводнения ты станешь первым в стране, кто проведет эксперимент по чипизации. Наверху это понравится! – мэру убедительно показали на потолок. – А под это дело попросишь бюджет. И накинешь немного, чтобы на набережную хватило. Всем хорошо.

– А что, у вас уже и устройства есть? – спросил мэр. – Подсуетились?

– Брось. Это голландский гаджет, – сказали ему. – Нашу модель пока только в рюкзаке таскать можно.

Помните, что это вычитывалось между строк, поэтому слова могли быть и другие, но смысл, думаю, передан точно.

Лесобаза – главное хозяйство Анатолия Антоновича – располагалась к северу от города, выше по течению реки, прямо на берегу. От городского шоссе подъездная гравийка ныряла в большие, почти всегда открытые ворота. Сразу за ними справа стояло длинное здание типа «барак», где находились всякие нужные помещения, включая кабинет Анатолия Антоновича на втором этаже. В приоткрытое окно влетали голоса баритонального регистра. Мужики делились соображениями:

– Зачем-зачем? Неясно, что ли? Отслеживать нас будут...

– Совсем с цепи сорвались...

– А что им-то? Это только для бедных. Я слышал, сотрудникам всяким силовым категорически запрещено. Мол, для неразглашения служебной тайны.

– Будут записывать, куда ходил, чего говорил.

– Да брось... Звук-то они не передают...

– Говорят, чипы-то эти голландские. Чего они в Голландии – тоже своих отслеживают?

– Да сейчас! Там их собакам вживляют. Чисто, чтобы не убегала...

– Гонишь! У собак чипы в ошейниках. А эти для рогатого скота.

Возникла пауза. Последняя фраза требовала осмысления.

– Ох, валить надо... Я бы вот уже. Только некуда.

– Да ерунда все это отслеживание. Это просто хотят отвлечь народ. Чтобы не замечали, как тонем тут...

Много было и экспрессивных высказываний эмоционального характера, которые я приводить здесь не буду по соображениям эстетического характера. Анатолий Антонович, который к этой экспрессии был вполне привычен, думал о том, что мужики правы все одновременно. По его собственным сведениям от доверенных людей из мэрии, все так и было: там и отвлечь народ хотели, и проследить, а главное – запугать самых ретивых. Если кто сфотографировал что-то порочащее городскую управу – сразу можно узнать, кто в этом месте в это время был. За всеми подряд гоняться, конечно, не будут, но самых активных прижмут.

– А я не стану. Вот не стану и все! – доносилось из-под окна.

– Дурак, ты. Написано же – до середины лета все должны. А потом любой патруль, если ты на сканер не отвечаешь, может тебя повязать. И тогда уже спрашивать не будут. Лучше уж самому.

– А я думаю, если голландцы изобрели, может и неплохо. Зато можно будет за благоверной присмотреть.

– Не забудь только, что и она за тобой присмотрит.

Засмеялись.

Анатолий Антонович подошел к окну и прижал откинутую створку стеклопакета к раме. Стало тихо. Он подумал, повернул ручку в другую сторону и, отведя створку в сторону, сказал вниз:

– Народ, хватит галдеть. Работу не отменял никто.

Мужики покивали, побросали окурки, пошли кто куда. Один задержался.

– Слышь, Анатольтоныч, меня брусом загрузили на дальний километр. Да я как-то опасуюсь туда машину гнать.

– С чего вдруг?

– Пойдем, покажу.

– Некогда мне, Василич, бумаги ждут...

– Пойдем-пойдем. Там не просто так. Сам рассудишь...

Анатолий Антонович закрыл окно, вышел из кабинета и спустился по узкой лестнице. Василич повел его через всю базу мимо навеса над штабелями бревен и эстакады бетонного заводика, мимо жестяного ангара, где работала пилорама и хранилась обрезная доска, брус и покупная фанера, мимо огромной кучи песка, до самых ворот, выходивших на реку.

Сразу за воротами большой участок берега был превращен в причальную стенку – часток из мощных вбитых в дно бревен. К ней обычно подходили речные баржи с песком, лесом, фасованным цементом и прочими полезными в строительстве вещами.

– Гляди, чего...

Анатолий глянул. Стенка из бревен едва возвышалась над землей, уровень же воды с другой ее стороны был значительно ниже. Обычно был. Сейчас вода текла почти вровень с берегом.

– Так я к чему. До дальнего надо через верхний мост ехать. А он же и так хлипкий. Вот думаю – мало ли чего...

Анатолий Антонович похмурился на реку. Опасения Василича были понятны. Ладно еще, если машина просто на том берегу застрянет – можно через городские мосты вернуться, а если он прямо под машиной осядет?

– Так чего? Ехать?

Внешне Анатолий Антонович своих соображений не выдал.

– Ехать конечно, – сказал он уверенно и ободряюще похлопал работника по плечу. – Иначе откуда я тебе зарплату возьму?

– Ну да. Ну да, – буркнул Василич неубежденно, но повернулся к своей машине.

– Если там и впрямь туго, – примирительно добавил ему в спину Анатолий, – поезжай через город.

– Так ведь это сто верст крюком.

– Лучше так, чем не доставить. Давай. Поезжай.

Хотел бы Анатолий Антонович, чтобы его тоже кто-нибудь одобрительно похлопал. То, что раньше казалось маловероятным, стало вдруг угрожающе близким. Мысленные картины будущего обступали Анатолия Антоновича со всех сторон. Ему было удобно разглядывать их на расстоянии, как экран в кинотеатре, а они увеличивались, надвигались медленно, но неумолимо, как речная вода, нависали, будто он заблудился в декорациях на театральной сцене. От этого было, мягко говоря, неуютно.

Главная же беда была в том, что ни одна из этих картинок не была законченной. Все они напоминали кадры из ужасика: темнота, в которой резкими вспышками проявляются какие-то контуры и тут же гаснут.

Завыла станковая пила. Ее звук, обычно радовавший тем, что работа идет, теперь только вгрызался в мозг, озаряемый сполохами мысленного стробоскопа. Анатолий вернулся в кабинет, попробовал сосредоточиться на накладных. Было душно.

Анатолий Антонович был человеком крепкого характера, решительным и пробивным. Он и сейчас пытался собраться и пробиться сквозь общую ситуацию, но не мог сообразить – в какую сторону ломиться?

Его можно было понять. Когда будущее предстает чередой внезапно подсвечивающихся кошмаров, как в пещере ужасов, невозможно составить никакого плана действий. Какой из ужасов симпатичнее других настолько, чтобы к нему стремиться? Оставалось только цепляться за тележку, которая вроде ехала через пещеру сама, но уже ясно было, что не к выходу, а к какому-то главному кошмару. Бестолковщина в голове отнимала у Анатолия силы, а бессилие раздражало.

Зазвонил телефон.

– Анатолий, – сказал голос важного человека из «Полнострога», – нужен бетон для набережной, готов?

– А проект есть?

– Давно! – сказал голос. – Денег ждали. Тебе расчет перешлют, готовь быстренько договор и за дело. Понятно?

– Понятно. Только...

– Все будет в порядке, – сразу заверил голос, будто подслушивал у Анатолия прямо в голове. – Сделаем как надо, тут на всех хватит.

Анатолий кивнул, будто голос мог еще и подглядывать.

– И вот еще что... – голос помедлил. – У тебя там чипы обсуждают?

– Ну а как же... – покосился на окно Анатолий.

– Так ты им намекни, что сейчас не время бузить. Сам понимаешь.

– Папа хочет поговорить... – сообщила Марина вечером того же дня, поочередно приоткрыв две двери в необъятной квартире. – В столовой.

В торце большого обеденного стола, уже возвышался Анатолий Антонович. Вика пришла босиком, в одной длинной футболке, и уселась, поджав ноги, на кушетку у стены. Эдик явился

с руками, засунутыми в карманы светлых шорт, и, не вынимая их, сел за стол напротив отца. Марина присела на краешек стула между ними.

– Новости читали? – спросил Анатолий Антонович.

– Новости? – нахмурилась Вика.

Она никогда их не читала.

– Про чипы-то? – хмыкнул в ответ Эдик.

Он не только читал, но уже успел их обсудить. «Хватит хныкать, – возражал он паническим настроениям свидетелей апокалипсиса. – Будущее неотвратимо. Чуть раньше, чуть позже, но это должно было случиться! А тут еще и за казенный счет!» «Технологии развиваются, – объяснял он напуганным на всякий случай гуманитариям. – В телефоне у вас датчик GPS, в фотографиях геотеги, теперь будет прямо в теле. В чем принципиальная разница?». «Это смешно, – обличал он вспомнивших о Большом Брате любителей антиутопий. – Чего еще про вас такого не знают, чего вы сами не выкладываете в сети?» Как видите, Эдик был человеком прогрессивных взглядов.

– Про устройства местоположения, – подтвердил Анатолий Антонович, используя корявый официальный эвфемизм.

Он хотел поговорить с детьми основательно и взвешенно. Слово же «чип» волокло на себе столько негативных ассоциаций, что могло расстроить беседу с самого начала. Однако его неуклюжие попытки не помогли.

– Про какие чипы? – не поняла Вика.

– Объявили поголовную чипизацию, – и брат коротко обрисовал ей ситуацию.

– И чего? – подала сигнал Вика, что положение вещей уяснила.

– Это все очень серьезно. Это важный и нужный шаг, – сказал Анатолий Антонович веско. – И надо, чтобы наша семья правильно отнеслась к этому. И чтобы вы установили устройства вовремя и как положено.

Эдик открыл рот, намереваясь спросить: «И это все, зачем звал?!», но к собственному удивлению услышал нечто противоположное:

– Да ни за что!

Отец нахмурился. Эдик и сам изумился, набрал воздуха, чтобы сказать, что не то имел в виду, но выпалил:

– Пусть они эти чипы себе в задницу засунут!

От собственной резкости он даже оторопел, хотя с помощью теории мысленных картинок, такое поведение вполне можно было объяснить. Эдик видел себя независимым, хотя и не очень удачливым молодым человеком, устремленным в будущее, лишенным предрассудков прошлого, с ясным и свободным умом. Он видел себя как бы немного впереди всего остального человечества, которое уныло и ожидаемо завывало об ужасах тотальной чипизации. Это положение делало его привлекательным для самого себя, выделяло из массы. Каждому же приятно быть уникальным!

Однако, пока он открывал рот для первой фразы, ситуация драматически изменилась. Рядом с собой, буквально плечом к плечу, в группе лидеров человечества Эдик вдруг обнаружил собственного отца, который, по его мнению, никаким лидером не был и вести к светлому будущему и свободе мысли, разумеется, не мог!

Увидев такую картину, Эдик почувствовал себя обманутым, запутанным и неприятно удивленным, и первой спазматического характера реакцией было бежать в любую другую сторону.

Все это произошло у него в голове и теле так быстро, что он и сам не успел ничего понять.

– Не ругайся! – тихо сказала мать.

– Они и засунут! – повысил голос отец. – Написано было – в ягодичную мышцу устанавливать будут.

– Вот пусть себе и ставят! – Эдик был непреклонен.

– Это нужно для безопасности, – подбирал аргументы отец.

– Для чьей?! – язвил Эдик. – Для их же собственной! Уж не для нашей точно.

– Это на сложный случай, чтобы разные там службы могли помочь!

– Это ограничение личной свободы!

– Это все равно произойдет, это всего лишь вопрос времени. Это даже не мы изобрели, а голландцы! – Анатолий Антонович даже и не думал, что он такое думает, но надо же было как-то этого юнца поставить на место.

У Эдика было странное ощущение, что он спорит с самим собой. Однако уступить он уже не мог. Придерживаться противоположных позиций в разное время в разных спорах – еще туда-сюда, но не в одном же разговоре! Такой пластичности убеждений Эдик еще не достиг.

– Разница в том, что голландцы решают сами!

Анатолий Антонович похлопал себя пятерней по круглому затылку, пытаясь понять, почему его собственный сын не может просто послушать по-житейски мудрого отца? В поисках ответа он перевел взгляд на Вику.

– А ты что молчишь? Какое твое мнение?

Вика приоткрыла рот и пошевелила глазами, переводя их с одного конца стола на другой. Никакого мнения у нее, разумеется, не было. С одной стороны, это было простительно – она про всю эту затею с чипами узнала-то три минуты назад. С другой стороны, объяснимо – она никогда не придавала значения тому, что решает и делает городская управа.

Вика вообще существовала в условиях некоторой данной данности. Солнце светит с неба, зимой падает снег, мэрия принимает решения. От того, что на солнце набегали облака, зима выдавалась бесснежной, а река, как этим летом, выходила из берегов – ничего кардинально в этом мире не менялось. Временным неудобством больше или меньше – не стоит того, чтобы обращать внимание. И уж тем более странным было иметь мнение по поводу каких-то там городских законов. Она никак не влияла на то, чем там люди занимаются в управе, и не видела никакой связи между их деятельностью и своей жизнью.

– Мнение? – переспросила она, чтобы выиграть время и придумать, как она хочет выглядеть в этой ситуации.

– Да какое у нее мнение... – вздохнул Эдик.

– Не надо так, – тихо сказала мать.

– Да я как-то не думала... – призналась Вика. – Это так важно?

– В твою ягодичную мышцу собираются вогнать чип, а тебе неважно? – осклабился Эдик.

– В мою?! – в голосе у Вики обозначилось искреннее беспокойство.

– В твою, – подтвердил Эдик. – Выбирай, в левую или в правую?

– Прекрати! – скомандовал отец. – Вика, нужно будет это сделать на этой неделе.

К этому моменту у Вики внутри созрело некоторое возмущение. В центре мысленной картинке она по-прежнему видела себя в непринужденной, но изящной позе. Однако вместо романтического, шикарного или просто веселого окружения она вдруг обнаружила склизкое зеленое щупальце, тянущееся сзади к ягодичной мышце. Связь между ее жизнью и городской управой неожиданно стала остро очевидной.

– Я не стану! – сказала Вика. – Что за бред?

Никаких отчетливых планов на собственную ягодичку Вика не имела, но вшивания в нее чего-либо по решению кого-либо точно в них не было. Она даже поерзала, плотнее вжимаясь в кушетку.

– Выбора нет! – начал сердиться Анатолий Антонович. – К концу месяца начнут задерживать, как вы тогда запоете? Сейчас нельзя...

– Как раз сейчас и можно! – Эдик встал и даже вытащил руки из карманов, чтобы подкрепить слова жестом. – Потом будет поздно! Приходит время сказать «нет»!

Это прозвучало неплохо. Эдик уже видел себя на крыше какого-нибудь автомобиля перед собранием сограждан.

– Есть предел!

– Я не буду вытаскивать тебя из кутузки! – поднявшись навстречу, пригрозил в ответ отец, но темницей настоящего бунтаря не напугаешь.

– Всех не запрешь! – воскликнул Эдик.

– Вика! – снова попытался вовлечь дочь в дискуссию Анатолий.

Вика чувствовала себя так, будто оказалась персонажем какого-то триллера: сзади подбиралась с нехорошими намерениями городская управа, прямо перед ней ближайшие родственники приобретали вид обезумевших зомби. Однако у персонажа был сценарий, в котором написано, что случилось дальше. У Вики сценария не было.

– Что «Вика»? – спросила она, болезненно осозная, что она не главная героиня триллера, а из тех тупых, которых съедают первыми.

– Скажи мне, что ты пойдешь и поставишь чип! То есть... Устройство! – Анатолий был уже не на шутку раздражен.

Вика чуть ли не впервые в жизни оказалась ответственной за принятие какого-то судьбоносного семейного решения. И ей это совершенно не понравилось. Как если бы вовремя посадки самолета пилот вдруг завел ее в кабину и спросил: «Выпускать закрылки или нет? Говори быстрее! Сейчас или позже?» При всем желании быть решительным и разумным, на такой вопрос не ответишь, потому что не знаешь, что такое закрылки и зачем они нужны.

Вика видела себя кем-то наподобие суслика, который вытянулся вверх глянуть через кочку и обнаружил, что там буря: ветер дул в нос, напозлали черные тучи, в глаза летел песок, а мимо выдранная из земли трава. Она и сделала то единственное, что только и мог сделать суслик – юркнула обратно в норку.

– Да не буду я ничего! – выпалила она, пытаясь отступить в привычное, понятное и удобное.

– Это же модная – как это говорится – фишка! В телефоне можно будет смотреть... Приложение там... – пытался встать на позиции молодого поколения отец.

– По-твоему, любое приложение, какое выйдет – сразу топовое?

– А разве не так? – спросил отец, искренне уверенный, что молодежь ведет себя не умнее папких на блестящее сорок.

– Ты меня прости, папа, но это дичь какая-то. Это уже давно не так!..

Так Анатолий Антонович устарел прямо во время попытки стать современным.

– Виктория! – воззвал он так, словно настоящая Вика спряталась где-то глубоко внутри головы его дочери и поэтому плохо слышала.

– Не надо на меня кричать! – заслонила Вика ладонью и спустила ноги с кушетки. – Это все вообще уже!

– Молодец, сестренка! – заулыбался Эдик.

– Куда?! – грозно спросил отец, глядя как Вика удаляется по направлению к коридору.

– Если вы еще орать будете, я от вас в общагу съеду! – Вика даже не обернулась. – Даром, что пустая стоит!

Анатолий Антонович прикрыл глаза. Все пошло не так. Ему никак не удавалось донести простую мысль, что сейчас не время философствовать, что сейчас надо сидеть тихо, пригнувшись, как в окопе во время обстрела, и не привлекать к себе внимания, потому что...

На этом месте простота заканчивалась, потому что Анатолий Антонович не мог им рассказать про фундаменты. Это ведь повредило бы образу мудрого главы семьи. И хотя сейчас реальность разительно отличалась от желаемой картинки, Анатолий Антонович в глубине себя надеялся, что дети все же одумаются. Мысль о том, что «одуматься» могут не только они, но и он сам, конечно, его не посещала.

Зато он четко видел систему распределения ресурсов. Она напоминала схему разводки воды по квартирам: большой насос – он сам – выкачивал ресурсы из окружающего пространства, а от него широкие трубы вели к семье и другим нужным людям, ветвясь на мелкие патрубки. Сейчас на схеме пульсировала красным не самая толстая, но все же заметная трубка. Невозможно было оторвать от нее взгляд, и Анатолий послушно соскочил на понятную ему тему:

– Вот что, Эдуард. Раз ты такой свободный и умный, может хватит на моей шее сидеть? Иди-ка заработай себе на свои эти... Взгляды! От меня ты больше денег не получишь!

Об этом семейном совете мне рассказала Марина, когда пришла ко мне в образе и состоянии свободной женщины, чтобы поговорить. Я вообще большую часть этой истории узнал из первых рук. Немногое оставшееся я восстановил сам, соединяя точки линиями. Они ведь, если помните, в среднем стремятся быть прямыми.

– Ты знаешь, – сказала Марина под конец того первого разговора, который, признаюсь, был довольно длинным и закончился под утро. – Это была, наверное, первая трещинка в фундаменте. Ты еще не веришь, что она появилась, а она становится длиннее, шире, все начинает перекашиваться...

Марина говорила все это фигурально, не зная, что вполне натуральные трещины уже пронизали фундаменты зданий в Экотауне и довольно бодро расширяются. Через три дня все начнет перекашиваться и весь район уплывет вниз по реке вслед за пиломатериалами.

У Марины было свое представление о счастье. Выглядело оно так: все домочадцы сидят рядком, сложив руки на коленях и дружелюбно и радостно улыбаются друг другу. Марина могла часами созерцать эту сцену, не переставая ей радоваться. Из этого не так уж трудно понять, что Марина была женщиной довольно несчастной – никто ведь никогда так по-идиотски себя не вел – однако каждый раз, как ей не удавалось достичь цели, она чувствовала, что приблизилась к ней еще немного, и тем утешалась.

Ровно это происходило и во время семейного совета по установке чипов. Стремясь приблизиться к желаемой картине Марина пыталась смягчить обстановку негромкими восклицаниями неопределенного содержания:

– Эдик, зачем так!.. Толик, пожалуйста!.. Вика, милая!..

Ясно, что никто на нее внимания не обращал. За все время спора никто ни разу даже не повернул к ней головы. Вплоть до момента, когда Эдик, сообщив, что принципы не продаются, засунул руки в карманы и демонстративно из столовой вышел вслед за сестрой. Только тут Анатолий Антонович остановил взгляд на Марине.

Она поднялась, шагнула к нему.

– Так плохо? – спросила она, имея в виду настроение мужа.

Он в ответ обвел глазами помещение, шумно вздохнул и посмотрел на свои руки, которыми держался за спинку стула.

– Сложно, – буркнул он наконец.

– У тебя ничего не отложено?

Оценка доступных ресурсов – первое дело в моменты кризиса. Спрашивала Марина только сейчас, потому что до этого никогда не интересовалась финансовым положением семьи. Не случалось таких кризисов, чтобы отменялись поездки на море, а муж неделю ходил мрачным.

– Крохи, – признался Анатолий.

Помимо подаренной «Полностроеном» квартиры, которая из-за наводнения сейчас почти ничего не стоила, и старого дома в Низовке, крупных активов у него и впрямь не было. Даже если продать дом да две их уже не очень новых машины – далеко и надолго не уедешь. А бизнес можно было продать разве что «Полнострою» и на выгодную сделку рассчитывать не приходилось. Анатолий вздохнул.

Как и недавно Вика, он тоже словно видел себя в каком-то фильме: героя посадили в закрытую кабину вроде большого лифта, а потолок медленно опускается. И если он немедленно не скажет, где сокровища, то его просто расплющит. Это рождало в нем необычное желание высказать свое беспокойство: выговориться, поделиться, пожаловаться, в конце концов. Только с кем? С Мариной? И чем же она ему поможет? Как она сможет прогнать из его головы человека, который раскладывает на столе бумажки из папочки?

Анатолий никогда не занимался самоанализом и не проводил даже простенького само-тестирования, когда, например, рекомендуют выписывать свои чувства в какие-нибудь две колонки. А зря! Если бы он это сделал, то узнал бы удивительный факт – он любил и даже уважал свою жену ровно за те же качества, которые в ней презирал и на которые раздражался.

Качества эти были: покорность и абсолютное ему доверие. Он всегда ощущал жену не полноценным самостоятельным человеком, а примерно как свою третью руку. Это было очень органично и удобно во многих ситуациях, однако если не знаешь, как помочь самому себе, то тут хоть пять рук отрасти, толку от них не будет.

На самом деле у него в голове уже была картинка, на которой Марина, положив свою ладонь ему на грудь, заглядывала ему прямо в глаза и говорила:

– Ты не мог поступить по-другому. Никто не мог знать, что такое случится с озером. Я тебя не оставляю, мы разберемся со всем этим вместе!

И затем обнимала его за шею. От этого у Анатолия в области солнечного сплетения могла появиться какая-то теплота, приносящая силы для встречи с грядущим. К сожалению, эта живительная для него сцена не была видна его осознанному взору, поэтому он ничего не сделал, чтобы ее осуществить, а только плотнее сжал губы.

Марина чувствовала напряжение мужа. Более того, она хотела утешить его, а затем обнять за шею, но не сделала этого, потому что не получила команды. Из этого совершенно не следует, что она была серой, безвольной и затюканной домохозяйкой. В действительности она была деликатным человеком с высокой чувствительностью, а деликатность, знаете ли, требует крепкой самоорганизации. Марина опасалась задеть мужское самолюбие Анатолия Антоновича!

Последовательность была примерно такая: муж, очевидно, старается выглядеть сильным – раз он сказал, что все обойдется, значит, так оно и будет. А ее сантименты могут ненароком его уверенность оскорбить, как бы намекнув, что сильным он не выглядит, или, что еще хуже, бросив тень сомнения на его слова. Это может его расстроить, интуитивно полагала Марина, потому что ему приятно чувствовать себя самостоятельным, властительным и уверенным в себе мужчиной.

В этом она была безусловно права – кому бы такое было неприятно? Однако это приятно, только когда ты себя таким чувствуешь, а когда только делаешь вид, то довольно утомительно и тоскливо.

Таким образом, Анатолий тосковал, пялясь на большой обеденный стол, а Марина, ждала надежного сигнала, выражать ей сочувствие или нет, и ощущала себя при этом точь-в-точь, как послушная третья рука. Редкая, согласитесь, семейная гармония! Увы, даже она не делала их счастливыми.

Анатолий еще раз вздохнул. Если с женой он поделиться своим состоянием не может, то тогда с кем?

– Мне отлучиться еще надо. По делу, – сказал он и, не оглядываясь на Марину, из квартиры вышел.

У рачительного и хозяйственного Анатолия Антоновича конечно было кое-что отложено. Однако три года назад, получив в подарок апартаменты, львиную долю отложенного он потратил на другую квартиру в Экотауне, поскромнее, в шестом корпусе. И об этом он тоже не мог сказать жене. Вот как все было сложно!

Тика – такое Анатолий придумал ласковое прозвище – владелица купленной им квартиры, была, кажется, лет на семнадцать его младше. Он точно не помнил. Что-то ей было около тридцати.

Из ее нового места жительства вида на реку не было. То есть не было раньше, пока река сама не забралась во двор. Анатолий шел от своего дома пешком, тяжело шлепая по воде высокими сапогами, важнейшим последнем атрибутом любого жителя Экотауна. Если жена и смотрела ему в спину из окна кухни, ничего удивительного в его пешеходности не было – со времен утонувшей машины, никто во дворы не заезжал, автомобили толпились на небольшой парковке у въезда в Экотаун, на взгорке. Места не хватало, поэтому страдали и обочины, и газоны.

Когда Анатолий предупреждал о своем визите заранее, Тика встречала его в шелковом тоненьком халатике на голое тело и чулках. Ему так нравилось. Даже если дело не доходило до дела, а они просто пили чай и разговаривали, ему нравилось наблюдать ее в таком наряде – то пола приоткроет грудь, то она положит ногу на ногу, открывая бедро вплоть до узорчатого манжета.

Безобидное постоянство эротических вкусов Анатолия Тику нисколько не утруждало, а даже забавляло. У него была и парочка других фантазий, но столь же необременительных. Никаких сильных страстей, требовавших специального инвентаря и костюмов, у Анатолия Антоновича к обоюдному их с Тикой удовлетворению – прошу прощения за невольный каламбур – не было.

Тика вообще была веселой. Возможно, потому что все ее мысленные картинки были похожи на мультфильмы. Все, что в них двигалось – двигалось стремительно, у всех героев были забавные мордочки, а цвета были яркими и сочными.

Она когда-то приехала в город из отдаленного рабочего поселка, отучилась в колледже на неясную специальность под названием «референт» и потихоньку ползла по бесконечной карьерной лестнице от учреждения к учреждению, снимая сначала угол, потом комнатку, потом крохотную квартирку. В этой постоянной суете, связанной с тем, чтобы в городе зацепиться, потом задержаться, а затем укрепиться, она как-то потеряла свою личную жизнь. Кое-какая жизнь была, конечно, но отрывистая, бессистемная и безрезультатная. А потом случайно пересеклись их пути с Анатолием, он переселил ее в Экотаун, и уже года четыре она и не искала ничего другого. Все как-то было некогда.

Анатолий же Антонович нашел в Тике то, чего ему не хватало в жене. Марина в интимном смысле была покладистой, гиперпредупредительной и в какие-то моменты даже сладостной, но в общем несколько скучной. Тика же и внешне походила на мультяшного персонажа – большие темные глаза все время двигались, то и дело она корчила забавные гримасы, всегда могла подшутить и над собой, и над мужчиной, впрочем, совершенно беззлобно. Она всегда хорошо пахла какими-то фруктовыми шампунями и пенами для ванн, была активна в постельных приключениях, и, когда Анатолию удавалось заграбастать Тику в объятия, казалось, что внутри у нее похрустывают и перекатываются смешинки и веселушки, как пенопластовые шарики в детских игрушках. Это его бодрило.

Регулярные походы к Тике никак в голове Анатолия не противоречили его образу строителя крепкой семьи. Фокус был прост – картинка с семьей в его мысленном поле зрения находилась чуть правее, картинка с Тикой в халатике была чуть левее. Им обоим хватало места, и они никогда не пересекались.

Сами подумайте: когда Анатолий смотрел на правую картинку, он видел безупречного главу семьи и это ему нравилось. На левой же он был в образе солидного, но сексуально привлекательного мужчины, и это ему нравилось тоже. Какие проблемы?

Забавно, хотя это и случайность, что расположение картинок соответствовало поворотам при въезде в Экотаун. Нужно было повернуть направо, чтобы попасть домой, а налево – к Тике.

Пытался ли Анатолий Антонович когда-нибудь совмещать картинки? Один раз. Ощущение при этом было такое, будто свело несколько мышц в разных местах одновременно, и он это занятие тут же и бросил. Опасался ли он, что когда-нибудь они совместятся случайно? Это было пренебрежительно маловероятно. Не отказываться же от теплой и похрустывающей Тики сейчас из-за некоторой гипотетической возможности в будущем, правда?

Анатолий Антонович думал, что правда. Если начать заранее готовиться ко всем возможным гипотетическим трудностям, не останется времени на текущую жизнь, а таких вещей, как прорыв на озере Верхнем, все равно не предусмотреть. В его рассуждениях была, конечно, одна ошибка, но он ее к тому времени еще не нашел.

Этим вечером Анатолий заранее о визите не предупредил, и Тика встретила его в серой домашней футболке и в пижамных штанах с ромашками. С первого взгляда ей стало ясно, что он пришел не за утехами, а за утешением. Они сели на кухне, Тика набрала воды в чайник, щелкнула выключателем.

– Что-то случилось?

– Навалилось... – буркнул Анатолий, начиная издали.

Всегда легче, если тебя спрашивают, а ты, отвечая, как бы идешь на уступки.

– Что такое? – честно играла в эту игру Тика, выставляя на стол круглые шоколадные конфетки, стаканы и початую бутылку коньяка.

И потихоньку, отнекиваясь, бурча и прикидываясь, что все это в сущности мелочи жизни, отпивая мелкими глоточками коньяк, Анатолий Антонович рассказал ей про бетон, сваи, фундамент и воду. Эта информация в общем-то никак не вредила его образу солидного, но сексуально привлекательного мужчины, в отличие от образа мудрого главы семьи. Какая разница, какой там подлог совершил этот мужчина? Он же от этого не становится менее сексуальным, не так ли?

Тика взъерошила темные волосы в своей короткой стрижке и посмотрела на Анатолия Антоновича ласково:

– Думаю, все будет хорошо.

– Если что, они же меня подставят крайним, – не поверил ей Анатолий. – Хотя сами акты приемки подписывали.

– Если что, всем худо будет, – со знанием дела сказала Тика и отпила чая, глядя в стену перед собой.

После исповеди Анатолий Антонович чувствовал некоторое облегчение. Вроде во всем сознался понимающему человеку, и ничего не случилось: потолок не упал, пощечину ему не дали, и даже наоборот – посочувствовали и поддержали. Может, и действительно, все это не так страшно? Он протянул руку и погладил ромашки на бедре у Тики. Ромашки были мягкие и упругие одновременно.

– Прости, пожалуйста, я сегодня не могу, – сказала Тика. – Такие дела у меня.

– Да-да, – послушно кивнул Анатолий.

После нервного трепки последних дней и бурного семейного диспута он и сам не чувствовал особого желания. Он дружески помял ромашки еще немного, допил коньяк и в конце концов ушел.

Тика закрыла за ним дверь, взяла с кухни бутылку и стакан, пошла в комнату и усе-лась со всем этим в большое кресло. Она махом опрокинула в себя сладковатого бархатистого напитка, ощутила первый отзыв организма, выдохнула, глядя в направлении окна, и налила еще порцию.

Никаких «таких дел» у нее, по правде говоря, не было, а была обида. Когда Анатолий поведал ей про фундамент, она почувствовала себя, как висельник в тот момент, когда у него из-под ног выбивают табуретку. Или ящик. Или что там у висельников бывает последней в жизни опорой?

Будь у Анатолия Антоновича к тому времени чип третьего поколения, он бы настрое-ния Тики почувствовал. Вряд ли бы она опустила флажок. Разговор, соответственно, мог бы пойти совсем иначе. Точнее его бы не было вовсе, потому что с чипом бы Анатолий и вовсе бы до Тики не дошел, а скорее всего сумел бы разделить свое смятение с женой. Возможно, так было бы лучше для него, но не для меня, потому что тогда Марина не пришла бы ко мне, и я бы не расписывал вам всю эту историю в таком благожелательном духе, да и вообще бы за нее не взялся.

Однако чипов еще не было, и Тике не составило труда свою обиду скрыть.

Дело было в том, что эта ее квартира была, как ни крути, ее главным имущественным достижением. Все-таки ей скоро тридцать два, и размышления о том, что связь с Анатолием не бесконечна, навещали Тику все чаще. Нужна была какая-нибудь собственная судьба, и квар-тира была той кадкой, в которой ее можно было начать наконец выращивать. А если Экотаун смое-т – что у нее останется после почти пятнадцати лет в городе? И какая ирония – фундамент из-под квартиры выдернул именно тот, кто ее и подарил!

В ее воображении дом обвалился, подняв муляжшны клубы пыли, а она сама торчала посередине с кислой физиономией и вращающимися вокруг головы звездочками. Звездочки были смешные, а вся картина целиком – нет. Тика почувствовала усталость.

Анатолий Антонович, конечно, сделал большую ошибку. Посудите сами, с Тикой у него были в конечном счете договорные отношения: он ей некоторую заботу, квартиру и подарки поменьше, она ему свое внимание и некоторую верность. В затруднительной ситуации Тика могла разорвать эти договоренности на основании форс-мажора. Марина же все-таки была женой, которая должна быть рядом, как известно, и в радости и в горе, и потому ничего разо-рвать не могла. На кого стоило полагаться? Анатолий же исходил совсем из других соображе-ний, если только это можно называть соображениями.

Однако кому интересно читать про человека, который все сделал правильно и ничего не случилось? Лучшие истории рождаются именно из людских ошибок, так что следует побла-годарить Анатолия Антоновича за то, что он так старательно закручивал для нас пружинку сюжета.

День десятый

«Добро пожаловать в безопасное будущее!» – гласила надпись на огромном билборде, с которого счастливо улыбались мама и двое ее детей среднего школьного возраста. На фоне за их головами была видна электронная карта города, а на ней светились значки, обозначающие, где эти дети находятся.

«Установка устройств местоположения – бесплатна!»

Вика обнаружила такие плакаты чуть ли не по всему городу, когда отправилась потусить с друзьями-однокурсниками – отметить окончание сессии.

Примерно сто лет тому назад волной молодой революции в наш городок занесло архитектора-конструктивиста, благодаря которому появилось единственное во всей округе здание этого стиля. Оно представляло собой три больших, но разновеликих куба, которые углами частично входили друг в друга, с огромными квадратными окнами. Два куба при этом стояли на земле, а третий был вознесен на бетонные колонны, которые двойным рядом поддерживали его по периметру. Расположили в этом архитектурном изыске библиотеку для просвещения народных масс.

В процессе просвещения выяснилось, что в зимнее время в подвешенном кубе довольно холодно, поскольку ветер дует прямо под полом. Кроме того, задето было и эстетическое чувство горожан. Во-первых, пространство под кубом заросло бурьяном, приспособившимся жить в тени. И во-вторых, здание без солидной и основательной опоры на землю как-то вообще не могло в полной мере считаться зданием. Решено было заложить пространство между колоннами кирпичом. Это, конечно, никак не усилило опоры на землю, но визуально решило все проблемы: и бурьяна не стало видно, и стены тянулись от земли, как им и положено. Заодно избавились от конструктивизма, поскольку это перестало быть модным, а стало даже каким-то нездоровым – зачем так выделяться? Глухая кирпичная стена была значительно более к лицу рабочему городу.

В новообразованном помещении разместили продовольственный склад – тушенка, сгущенка и другие консервы для централизованной поставки в магазины. Склад сменился пунктом приема стеклотары, потом мастерской по ремонту мотоциклов, а потом снова зарос бурьяном, который приоровился жить вообще без света. Бурьян в наших краях довольно изобретательный.

В новейшее время, однако, нашлись охотники, которые бурьян выволокли и переоборудовали пространство в клуб под названием «Куб-три», возвращая таким образом воспоминания о конструктивизме. Вдоль стен между колоннами подняли полы и расположили столики и барную стойку, а середину наоборот углубили и получился танцпол. Его покрыли плитами ударопрочного стекла, и подвели вниз разноцветную подсветку. У дальней стены расположили небольшую сцену. Это стало довольно популярным местом у продвинутой молодежи, которая в обиходе называла этот клуб просто «Кубик».

– Викусик! Привет! – обрадовались Вике в «Кубике».

Скуластый парень с осветленными волосами и стальным кольцом в ухе крепко обнял ее за плечи и чмокнул в висок. Парня звали Константином, и у него на Вику были виды. Скорее всего, потому что в очереди барышень, имевших виды на самого Константина, Вика была последней. Не то чтобы она была к нему равнодушна, просто его не было на ее мысленных картинках.

Пару раз уже случалось, что помимо ее самой в центре на них появлялся какой-нибудь молодой человек. Поначалу это казалось весело, но потом Вика уставала от его постоянного присутствия. Он тяжелил композицию, да и вообще улыбался как-то по-дурачки. Еще через некоторое время молодой человек исчезал – сначала с картинки, освобождая Вике пространство для принятия загадочных поз, а потом и из ее жизни.

Константина же, хотя он и оказывал ей знаки внимания повыше средних уже месяца четыре, Вика даже и не пробовала еще вносить в картинку – то ли не хотела ее загромадить, то ли небеспричинно опасалась ревности барышень из первой шеренги имевших виды. Однако знаки внимания принимала благосклонно, поддерживая хрупкий компромисс.

– Привет! – почти кокетливо улыбнулась она, но плечи из объятий вытащила и присела на диванчик, который был через стол от костиного.

Уже собравшиеся на диванчиках девицы это безусловно заметили, хотя виду не подали и продолжили важный разговор о том, переходить ли уже с джинсов-стреч на прямые с высокой талией или это еще не тренд.

– Не... Ну я взяла пару, чисто посмотреть, – говорила однокурсница Ольга, потряхивая крупными кудряшками, которые на зависть всем прямоволосым девушкам были натуральными. – Но мне и в обтягивающих нормально.

– Тебе хорошо! – вздохнула другая девица. – А мое добро обтягивать, только позориться. Так что хорошо бы это действительно надолго.

Разговор, похоже, велся давно. Вика взяла коктейль с подноса, заказанного на всех, потянула горьковатую прохладу через трубочку. В общей темноте плавно переливалась разноцветьем подсветка стеклянного танцпола, да желтели над столиками лампочки местного освещения. Когда-то Вика сама не без интереса принимала участие в такого рода обсуждениях. Однако вот уже закончился третий курс, а обсуждения с места не сдвинулись. Шла ли речь о джинсах, принтах на футболках, тренде в маникюрах, сережках или татушках – употреблялись всегда одни и те же выражения:

– Я видела, такие уже у того-то и той-то!

– Ой, я никогда такое не стану!..

– Да просто выделиться хочет...

– А у меня вот! Решилась!

– А вроде и ничего выглядит!

– А вот и у меня! Не могу же я отставать.

– Да сейчас везде уже так.

– А ты что, все еще не в теме?

– Так уже никто сейчас не делает.

– Ой, а видела у того-то и той-то такое!..

В результате Вика пришла к выводу, что обсуждать модные тренды смысла никакого нет. О них просто надо быть в курсе – это, в конце концов, почти прямая обязанность специалиста по связям с общественностью, на которого, если помните, Вика училась. Встречают ведь по одежке, что требует ее подбора не только по соответствию трендам, но и по смыслу места, мероприятия и аудитории. Вот, например, сейчас она была в легком топе, воздушной юбке и желтых кедах, потому что лето, потому что клуб, а значит, танцы, то есть активные движения, и потому что все остальные выглядят так же. Не платье же в пол натягивать с каблуками или там не брезентовые штаны со свитером! А при подборе одежды для себя, нужно просто посмотреть – нравишься ты лично себе в прямых джинсах с высокой талией или нет. Чего разговаривать?

Вика дошла уже до последней четверти коктейля, а джинсы все не утихали. Парни бубнили что-то свое, но, похоже, по тому же принципу. На сцене появилась местная городская группа, которая более-менее успешно лабала каверы на все, что было на слуху, стала подклю-

чать гитары и синтезатор. Скоро станет громко и народ потянется на танцпол. За все это время никто не произнес слова «чип». Неужели Вика одна в курсе?

– Слушайте, – сказала она наконец. – А вы видели эти билборды про устройство местоположения?

Девицы смолкли и вразнобой захлопали глазами. Это означало, что они уже видели, но еще не слышали, с какой точки зрения нужно смотреть без опаски выглядеть овцой, отчего, разумеется, именно так и выглядели. Обернулся на вопрос и Костя.

– Про чипы-то? Видел, конечно. Но это все фигня.

Девицы одновременно повернули головы и уставились Константину в рот, принимая таким образом к источнику местной мудрости.

– Это сейчас в мэрии с ума сходят. Строгости нагоняют. Но потоп схлынет, все про это забудут. Так что не стоит париться, – развеял сомнения Константин. – А если боишься, что тебя заметут, могу у отца справку взять для тебя.

Отец Константина был какой-то важной шишкой то ли в мэрии, то ли в соседних госструктурах. По девицам прокатился еле слышный фырк. Им справку не предлагали!

– Да я не боюсь, – Вика втянула остатки коктейля. – Просто интересно.

Команда на сцене грянула «Что-то, что не дает мне тебя любить», и разговаривать стало трудно. Идти танцевать Вике не хотелось, хотя обычно она любила подвигаться. Она взялась за второй коктейль, не столько от желания пить, сколько просто чтобы не сидеть с пустыми руками.

Легкомысленность Кости ей не очень понравилась. Может, его папа и дал ему указания не париться, но ее собственный отец поступил ровно наоборот – прямым текстом велел самой подставить нежное место противным щупальцам. В любом случае ей казалось, что эта тема заслуживает большего внимания, чем уровень талии в трендовых джинсах. И я должен с Викой согласиться. Модные веяния приходят и уходят, а вот заглянувшие однажды в нашу жизнь технологии только растут и крепнут.

Вика таких сравнений не проводила, но сидела на диванчике с трещинкой в настроении. Отзвучала уже первая композиция, потом вторая и третья, а она все не могла решить, хочет ли она идти танцевать или вообще уйти из клуба.

Внезапно что-то щелкнуло, подсветка танцпола мигнула ярким белым светом и тут же погасла совсем. Кто-то взвизгнул. Кавер-команда сбилась и понемногу заглохла, в почти полной темноте загомонили голоса. Наконец кто-то зажег лампы дежурного света, появился потерянный администратор, стало ясно, что что-то сломалось. Народ побрел с танцпола, одна девушка вдруг поскользнулась и упала на бок.

– Тут вода! Мокро! – крикнула она, цепляясь за протянутые руки. – Откуда вода?

Вика восприняла это как аргумент в свою пользу в дискуссии с Константином. Он ведь сказал, что чипы, мол, только до конца потопа. Однако потоп и не думал заканчиваться! Наоборот, он подкрался к углублению танцпола и затопил его. У «Кубика» наступили трудные времена.

Проблемам «Кубика» очень обрадовались в «Шарике». Я не шучу. В эпоху становления социализма рядом с нашим городом построили огромный подшипниковый завод. Это было очень полезно для города, который кормился торговлей, идущей по реке, и стал потихоньку хиреть с развитием железнодорожного, а после и авиационного транспорта. Завод давал рабочим зарплату, для них строилось жилье, появлялись магазины, школы, поликлиники и все остальное. Среди прочего на месте бывшей церкви было воздвигнуто и здание с колоннами,

которое на радость изготовителям гигантских светящихся букв называлось «Дом культуры шарикоподшипникового завода».

Проблема была в том, что на много сотен верст в округе подшипники были никому не нужны, совершенно так же, как и культура. Когда социализм отменили, оказалось, что возить к нам сюда сталь, а от нас подшипники, коммерчески не выгодно, и завод закрылся.

Его полуразваленные корпуса так и остались стоять к востоку от города, постепенно превращаясь в скелет титанического железобетонного динозавра. Природа же брала свое, прорастая сквозь асфальт деревьями, взбираясь мхами по остаткам стен и забрасывая семена на немногие уцелевшие крыши. Потихоньку завод стал излюбленной территорией фотографов. Там можно было щелкать вокруг себя с закрытыми глазами и получать восхитительные подборки на тему тлена, человеческого тщеславия, превосходства природной жизни над рукотворной смертью и всего в таком духе.

Вика тоже как-то раз устроила там себе фотосессию – тонкокожая трепетная живость на фоне brutального молоха времени. И еще, конечно, немного длинноволосой загадочности. Впрочем, Вика была не очень оригинальна, мало кто из городских девиц там не фоткался.

Дом культуры, будучи расположен близко к центру города, сразу после социализма стал торговым центром типа «рынок», потом типа «универмаг», а поднабравшись солидности и вовсе торгово-развлекательным комплексом. Часть его, включая бывший кинозал, трансформировалась в ночной клуб. Оставшихся раритетных букв от прошлой вывески как раз хватило на название «Шарик», тем более что его уже давно называли в народе именно так.

Примерно в то время, когда Вика еще только приближалась к «Кубику», Анатолий и Марина законопослушно поставили себе устройства местоположения. В местной поликлинике, где развернули пункт установки, даже очереди никакой не было, так что все получилось очень быстро. Надо понимать, не так уж много было в городе законопослушных граждан.

Молодой доктор и медсестра улыбались, будто их фотографировали для рекламного билборда. «Интересно, – подумалось Анатолию, – с чего бы? Сколько им за это платят?»

Оказалось, что у голландцев все продумано. Каждый чип был уже заряжен в специальный пластмассовый пистолетик и запечатан в прозрачный пластик. Медсестра протерла могучую ягодицу Анатолия спиртовой ваткой, доктор извлек пистолетик из упаковки, снял с дула бактерицидную пленку, приставил к протертому месту... Щелчок!

– Вот и все, одевайтесь, пожалуйста!

– И что, уже работает?

– Начнет, как согреется от тепла вашего тела. Чтобы полностью прижился, нужна пара дней, тогда сигнал выйдет на нужный уровень. Приложение вам все подскажет!

Анатолию помогли установить на телефоне нужную программку.

– А вот это ваш уникальный номер! – сказала медсестра, показывая на двенадцатизначную комбинацию букв и цифр. – Сейчас мы внесем его в базу, и все.

Сурового вида дама у компьютера провела сканером по коду и буркнула:

– Паспорт давайте... – она постучала по клавишам и протянула паспорт обратно. – Упаковку не выкидывайте, приложение не стирайте. Если будут вопросы, там телефон горячей линии. До свиданья.

Анатолий Антонович вышел в коридор, прислушиваясь к ощущениям в теле. Никаких! Мощности его ягодицы хватило бы для установки небольшого вычислительного кластера, что уж говорить о крохотной железке. Через пару минут из соседнего кабинета появилась Марина. Она улыбалась.

– Ты уже? Покажи-ка мне твое приложение... – попросила она и взяла его телефон. – Вот тут надо нажать, это твой код, видишь? Мне девушка объяснила. Ты его никому просто так не говори, но мне можно...

– Переписывать будешь?

– Нет! – Марина улыбнулась. – Повернись-ка!

Она вдруг поднесла свой телефон к чипонесущей мышце Анатолия Антоновича, нажала кнопку, и телефон звякнул.

– Вот, все считано! Теперь я у себя смогу видеть твой сигнал! – она снова улыбнулась. – Не все же мэрии за нами следить. Здорово?

Все это произошло так быстро, что Анатолий Антонович не только возразить, но даже и понять ничего толком не успел. Он нахмурился:

– Ты теперь сможешь знать, где я?

– Конечно! – кивнула Марина, и поднесла телефон мужа к своей чипонесущей мышце. – А ты – где я! Потом и детей внесу в список.

Она вернула мужу телефон и улыбнулась открыто и весело.

– Здорово, и впрямь! – раздвинул Анатолий губы, надеясь, что жена не заметит, как у него зашевелились волосы там, где шея упирается в затылок. Это было ровно то ощущение, которое он испытал, когда попробовал посмотреть на картинки с Тикой и с семьей одновременно.

– Ты на работу? – спросила Марина.

– Угу.

– Люблю тебя! – на крыльце поликлиники она чмокнула его в щеку и пошла домой.

Анатолий Антонович пытался нащупать в каком кармане у него ключи от машины. Руки почему-то плохо слушались. В голове не было ни одной членораздельной мысли. Так бывает, когда не можешь найти достаточно сильного слова, которое бы адекватно описывало сиюминутные эмоции.

А все потому, что не надо затаскивать и затрепывать ненормативную лексику, вставляя ее в каждое предложение – ничего не останется на по-настоящему острый случай!

Анатолий Антонович не совершил моей подростковой ошибки и на Марину внимание обратил, когда вернулся в город после службы в армии, обосновался на гражданке и уже занялся своим первым бизнесом. К тому времени у него уже сформировался образ себя как главы семьи, и появилось желание осуществить его в реальности.

Он увидел Марину в какой-то общей дворовой компании юности, вдруг вспомнил, что уже видел ее раньше, и присмотрелся. Она отвечала улыбкой на его шутки, радостно соглашалась на его ухаживания и, к его удивлению, ничего не требовала. Ей с ее внутренними картинками без нее самой и в голову не приходило, что можно чего-то требовать от окружающих вообще и от собственного ухажера в частности. Иными словами, она точно вписывалась в представления Толика о почтительной жене, а вдобавок еще и была весьма недурна собой. Он предпринял шаги, и Марина, как горшок с гортензией, переехала в дом его матери в Низовке, продолжая дружелюбно и радостно улыбаться.

Недостаток собственных жизненных ориентиров касательно того, как и что должно быть устроено Марина компенсировала чужими, уж благо за добрым советом в наших краях далеко ходить не приходится. В Низовке, любое их количество можно было найти в центре социальной

жизни, то есть на площади, где располагались местный магазин, почта, автобусная остановка и рыночек с продуктами низовских огородов.

С переездом в Экотаун возможности сильно сократились. Район был свежеселенный, люди друг с другом незнакомые, а манера жизни городская – во дворе никто никогда без нужды не задерживался.

Однако Марине повезло – в соседнем корпусе поселилась Галина Николаевна: пожилая, несколько одутловатая женщина, которая ходила уже с трудом, тяжело опираясь на палку. Собственно, и ходила она в основном от квартиры на втором этаже до лавки у своего подъезда, который был на расстоянии прямого оклика от подъезда Марины.

К счастью, Галина состарилась еще в доинтернетную эпоху и потому не была представлена в социальных сетях. К счастью для сетей, конечно. В смысле комментариев к чужой жизни, она послала бы Эдика в нокдаун еще в первом раунде. Она даже не нуждалась ни в чьих откровениях, чтобы сразу поставить диагноз и припечатать оценочным суждением. Пожалуй, единственным обитателем Экотауна, которого Галина Николаевна щадила, была Марина, потому что та никогда не спорила, а наоборот, выслушав суждение, начинала машинально кивать. Некоторым образом, они прекрасно одна другую дополняли: Марина получила универсального советчика, а Галина покладистого слушателя.

– Вот-вот! Смотри, пошел! Ох, непотребство одно, да все напоказ, – могла сказать она, когда Марина присаживалась к ней на лавочку по дороге домой.

Марина честно смотрела на проходящего мимо парнишку, но не могла понять, чем же он непотребнее прочих.

– Не мужик растет, а кикимора какая-то, еще бы ресниц себе на лоб приклеил... – вздыхала Галина.

Становилось понятно, что она имеет в виду серьгу у парнишки в ухе. Марина кивала в раздумьях о том, как именно серьга позволяет различить контуры будущей парнишкиной судьбы, а Галина Николаевна принимала эти кивки за согласие.

– Потому что отцу его все недосуг. Потому и воспитания нету. А мужчина должен не только семью содержать, но и детей воспитывать! А если нет, то и не мужчина это, а поросль.

Марина снова кивала, а потом, уже по пути к своему подъезду, тихо радовалась, что у нее с мужчинами все в порядке. Вроде бы.

– Ленка из третьего мужа выгнала, – в другой раз делилась квартальными новостями Галина. – Теперь шалавой жить будет.

– Почему же сразу шалавой?

– Потому что жена без мужика, что печь без избы, любой прислониться может, – и пока Марина пыталась вспомнить, как хоть эта Елена выглядит, соседка продолжала: – Да бесхозная печь только прогорает, а проследить и некому. Потому что жить надо по-человечески!

Марина шла домой и изо всех сил пыталась жить по-человечески. К сожалению, она не могла в точности сказать, получалось ли у нее, потому что у самой ясности убеждений не хватало, а пригласить Галину Николаевну для инспекции она все же не решалась.

Признаться, Марина как-то даже пробовала освоить талант соседки: уселась у своего подъезда и разглядывала проходивший мимо народ, пытаясь подобрать слова. Вот идет человек – что она должна о нем сказать? Точнее, что она может о нем сказать такого определяюще-осудительного? Ответом Марине была тишина. Человек как человек. Обычный.

Марина могла бы лучше понять соседкин метод, если бы вооружилась теорией из розоватой книжки. Для каждой категории людей у Галины Николаевны была в голове готовая картинка. Сказать ей, например: «мать семейства средних лет», или: «хорошо воспитанный молодой человек», или: «хозяйственный мужчина» – у нее тут же выскакивал нужный образ с точностью до мельчайших деталей. Оставалось лишь сравнить то, что Галина видела перед собой наяву, с этим образом.

Несложно догадаться, что ни один из обозреваемых ею реальных людей в соответствующий ему образ не попадал. Галина выхватывала заметное отличие и тут же его обозначала вслух. Все очень просто – если видишь разницу глазами, то слова подбираются сами собой.

Сама Марина не вызвала у Галины острого осуждения, потому что была никакая и ни с каким образом никакой категории не конфликтовала. Она даже за «хорошо воспитанного молодого человека» могла бы сойти при минимальной фантазии.

У Марины же никаких образов для категорий людей в голове не было. Если помните, не было даже самой концепции того, что люди как-то должны выглядеть.

День тринадцатый

Люди начали собираться на площади перед мэрией, как раз под билбордом с рекламой безопасного будущего. С этого плаката улыбалась уже не мама с детьми, а пара пенсионеров. Предполагалось, видимо, что они уже слегка выживают из ума и могут потеряться. Хотя, если бы вы присмотрелись к карте не фоне, то могли заподозрить, что эти милые старички в душе тайные маньяки и охотятся на малолетних, поскольку отметки их местоположения находились там же, где и отметки детей на плакате с мамой. Однако это было бы поспешное суждение, скорее, просто с дизайнера потребовали все доделать к вечеру.

В отличие от старичков на билборде, на площади под ними никто не улыбался. Народ стягивался в центр маленькими группками. Об этом собрании или – если уж называть его так, как обозначили потом в новостях – об этом протестном митинге нигде заранее не объявляли и планов никто определенных не строил. Однако весь город тему поголовной чипизации населения обсуждал активно. Как водится, организовались и группы, чатики и каналы во всяких сетях. Градус дискуссии в них непрерывно поднимался, спор велся о том, что же теперь делать и как это все остановить. Догадайтесь – кто принимал во всех обсуждениях наживейшее участие?

Эдик не только переписывался. Уже на следующий день после того, как он повздорил с отцом, в общественной переписке стал сбиваться костяк из наиболее активных противников чипизации. Стали появляться предложения каких-то реальных действий – записать видео с протестом, выйти на пикеты, а то, гляди, и митинг собрать.

Раньше Эдик только припечатал бы их язвительным словом. Он полагал такого рода мероприятия бесцельной и безрезультатной суетой и никогда бы из своего удобного программистского кресла ради такой ерунды не вылез. Вот будет внятная идея и конкретный достойный ее представитель, тогда может и стоит дергаться, а иначе это все только посмешище.

Он и сейчас занес было пальцы над клавиатурой, чтобы виртуально хихикнуть, но вдруг остановился. В нем все еще довольно жарко тлело раздутое отцом возмущение. Его можно понять – стоило Эдику начать успокаиваться, как он вспоминал, что его сняли с финансирования, а это вполне пылкий хворост для раскаленных угольков праведности. Голодные всегда, знаете ли, отчетливее видят идею. Переписываться мало! Надо что-то физически сделать отцу назло!

Взгляд Эдика уперся в аватарку одной из активисток в чате, с которой весело улыбалась довольно симпатичная девушка с рыжей прической, с веснушками и огромными очками на тонком носу. Эдик задумчиво шелкнул мышкой, чтобы раскрыть фотографию пошире. Потом нашел страничку девушки в сети и еще задумчивее перелистал другие фотки. Может быть, она и не дотягивала до достойного представителя внятной идеи, но до стоящей кандидатуры на личную встречу – вполне!

«Да, давайте завтра в оффлайне встретимся, – написал Эдик. – Чего тут время тратить?»

Рыженькую звали Катя, и вживе она оказалась не менее улыбчивой, чем на фотографиях. Несмотря на общую хрупкость, она обладала теплым грудным голосом. В пылу обсуждений она то и дело смешно поправляла свои большие очки запястьем. Этот жест повторялся буквально каждые несколько секунд, а Эдик наблюдал за ним, забавляясь, а оттого все больше пропитываясь симпатией. Сам того не замечая, он при случае оказывался к Кате все ближе

и ловил ее взгляд все чаще. Что уж тут говорить – дело известное! Эдик далеко не первым в истории примкнул к делу революции из-за женщины.

У него довольно давно не было близкого общения с девушками – хотя бы ближе расстояния вытянутой руки. С тех пор как он вернулся из областного центра, у него не случилось никаких постоянных отношений, а непостоянные он не знал, где искать. При своей фрилансерской работе он из дома и выходил-то нечасто.

Однако даже без учета катиной привлекательности быть протестным активистом оказалось довольно весело! Совершать общие усилия с группой энтузиастов-соратников, куда лучше, чем одиноко биться в комментариях с сетевыми идиотами – совсем другой энергетический обмен.

Народ подобрался разный: очкастый толстячок – учитель истории, два веселых бармена из затопленного подвального бара, тощий мосластый журналист из местной газеты, пара девиц из малярного училища. Последние с Катей конкурировать не могли, одна – полненькая хохотушка, не эдиков тип, а у второй были лошадиные зубы.

Обсуждали разные варианты действий, сошлись на том, что надо вести контрпропаганду: объяснять всем, почему чип – это плохо. Эдик принялся постить мемы и тексты в духе: «Объясняю доходчиво и по пунктам...», кто-то занялся подготовкой листовок, чтобы расклеивать на дверях домов и магазинов, третьи – плакатами для пикетов. К сожалению, Катя примкнула ко второй группе и от Эдика временно отделилась.

В хлопотах пролетели два дня. Главной темой споров было – не попытаться ли устроить общегородской митинг, однако никак не удавалось сойтись во мнениях. Кто-то полагал, что стоит лишь намекнуть и все сбегутся на площадь, кто-то возражал, что придет три калеки и, с медийной точки зрения, это будет хуже, чем вообще не собираться.

На третий день Эдик предложил:

– Давайте, хоть на пробу такую идею в сеть кинем. Анонимно. Посмотрим, кто как откликнется.

С ним согласились, и он написал в нескольких самых популярных городских каналах прямо и незамысловато: «Вы как хотите, я пойду к мэрии прямо сейчас! Надоело это все! Кто согласен – приходите, у нас в городе гулять не запрещено!»

В ответ кто-то внезапно опубликовал фото входа в мэрию с подписью: «А мы уже здесь! Ждем!». Отозвались другие и стало ясно, что Эдик попал в общественный нерв. Активисты подхватили листовки с плакатами и побежали присоединяться к ими же спровоцированной акции.

Так Эдик вплотную приблизился к мысленному представлению самого себя – напомним: лидера, бойца, наставника, личности из передовых отрядов человечества. А если учесть, что плечу к плечу с ним в первой шеренге теперь бежала еще и рыжая Катя, то станет понятно, почему Эдик чувствовал себя счастливым и оттого почти всемогущим.

Когда Эдик с Катей и другими соратниками добрался до площади, там уже кучковались отдельные группки людей. Надо ли их как-то организовывать? Может, что-то надо покричать? Этого ни Эдик, ни его приятели толком не знали. Пока просто развернули плакат: «Чипу в зад никто не рад!!!». Эдик закинул в чаты пару фотографий, на которых людей казалось больше.

«Идем, идем!», написали ему, словно он нетерпеливо постучал в чью-то дверь.

И действительно – народ прибывал все активнее и к часу дня площадь уже вся была заставлена людьми, включая проезжую часть. В выходящих на площадь улицах замер транспорт. Однако появились не только простые горожане, но и сотрудники специальных сил, при-

званные поддерживать порядок и не допускать ничего неутвержденного. Они же тоже читают чатики в группках.

Сотрудники в защищающих от населения костюмах переплетали локти, образуя ограничительные цепи между народом и мэрией. От летней жары эти костюмы, однако, бойцов не защищали. Наоборот, бойцы нагревались в них невероятно и становились от этого красными, потными и злыми.

Население же пестрело разноцветными футболками, шортами, голыми плечами и коленками, а также наспех выписанными лозунгами: «Нет чипизации!», «Идите в свое будущее сами!», «Руки прочь от наших задниц!», и даже: «Утопнем свободными!» Жителей Экотауна можно было отличить по закатанным штанинам, сапоги уже не справлялись.

С правой, если смотреть на мэрию, стороны площади, поближе к цепям, в толпе бродил Эдик. За спиной у него был небольшой рюкзачок, из которого он то и дело доставал пачку листовок и раздавал их по одной всем желающим. Чувствовал он себя прекрасно, но хотелось чего-то еще чуть-чуть более героического.

– Гражданочка! Возьмите листовочку! – протянул он бумажку женщине, которая явно протискивалась к краю толпы с намерением с площади убраться.

– Не надо, – она попыталась обойти Эдика, но он почувствовал шанс для героя: разъяснить и наставить, и загородил ей проход.

– Подождите-ка! – он осмотрел на ней серый пиджак, такую же юбку до колена, строгие туфли. – Вы, похоже, из мэрии идете. Работаете там?

– Пропусти, – сказала женщина.

– То есть вы прямо из логова! – жизнерадостно воскликнул Эдик. – Как вас зовут?

– Никак, – женщина оглянулась в поисках другого пути, но вокруг толпа уже начинала уплотняться и скандировать: «Мэра! Мэра!».

– Не может быть, чтобы никак! Меня зовут Эдик, а вас? Ну скажите?

– Татьяна Геннадьевна.

Она пыталась наступать, чтобы обойти его то слева, то справа, но Эдик пятился перед ней, все время заступая дорогу.

– О, как сурово! Вы большой начальник?

– Я просто секретарша. Отпустили пораньше из-за ваших криков. Дай пройти.

– А вы чипированная, Татьяна? – Эдик решил, что отчество секретарше не по чину. – Или вас как приближенных освобождают? Не заботятся, наверное, о вашем безопасном будущем? А?

Татьяна остановилась. До этого она все больше смотрела вниз, выискивая куда ставить ногу, а теперь подняла глаза и внимательно оглядела Эдика.

– Возьмите листовочку, Татьяна. Тут написано к чему ведет тоталите... Тотлетаре... – попробуйте сами быстро произнести «тоталитаризм» и сразу станете к Эдику снисходительнее. – Тотальная слежка!

– А я тебя знаю! – вдруг сказала Татьяна и даже немного прищурилась. – В Экотауне живешь?

Эдик сдвинул брови.

– Там много кто живет.

– В первом корпусе? В апартаментах?

– А вы моя соседка, что ли? – так же язвительно спросил Эдик обратно.

– Нет, – сухо сказала Татьяна. – Но тебя знаю, Эдик!

Она вдругхватила у него из рук листовку.

– Тоже мне – борец за права обездоленных! – она скомкала листовку и бросила на землю. – Тоталитаризм!

Говорила Татьяна с таким напором и не очень понятным Эдику обвинением в голосе, что он, признаться, немного растерялся. Этого ей хватило, чтобы протиснуться между двумя соседними митингующими и вырваться на свободное место.

Эдик смотрел, как она цокает каблуками по довольно дырявому асфальту, удаляясь от площади. Туфли на невысоком, но тонком каблуке при опоре покачивались, и Эдик засмотрелся на то, как отрабатывают это покачивание ее лодыжки. Оказалось, что и у врага из логова мэра, они могут быть стройными и даже изящными.

Так Эдик сделал первый шаг на пути к разработке авторских табуреток, хотя и не знал этого. Каждый раз как мы делаем шаг, он к чему-то ведет. От всей души завидую тем, кто всегда знает к чему!

Анатолий Антонович исхитрился бросить в котел политической жизни не только родного сына, но и родную дочь. Она тоже оказалась на митинге, но в левой части площади и с братом не встретилась.

Честно сказать, Вика очень надеялась, что вся эта тема про чипы рассосется как-нибудь сама собой. С момента разговора с Костей в «Кубике» Вика старалась об этом даже не думать, потому что каждый раз у нее в голове вспыхивало воспоминание о щупальце, тянущемся к ее... Одним словом, неприятные это были мысли.

Однако было понятно, что рано или поздно придется что-нибудь ответить отцу, а значит надо как-то определиться. Несмотря на некоторую отвлеченность, Вика дурочкой не была и снова чувствовать себя тупой героиней ужасика не хотела.

Ключевым же моментом стало то, что эта тема в конце концов проникла даже в любимый викин инстаграм. Одна из девушек, постоянно писавшая про всякую косметику, вдруг опубликовала ряд советов о том, как замаскировать место имплантации чипа! Вика чуть не поперхнулась своим латте с миндальным молоком, которое она пила тем утром на террасе модного кафе в центре города. Хотя советы, надо признать, были вполне разумные – на дворе ведь лето, хочется купаться, а приличным купальником это место не закроешь.

Вика нахмурилась и посмотрела на проходящих мимо террасы людей. Их было довольно много и двигались они на удивление в одном направлении – к площади перед мэрией. Похоже, двигала их туда все та же тема. Вика поразмыслила.

Ей вдруг показалось, что если следы вживления чипа действительно так просто можно скрыть, то почти половина проблемы исчезает. Может, тогда можно с отцом и согласиться?

Поразмыслив еще немного, Вика пришла к выводу, что выглядеть человеком с хорошо аргументированным личным мнением по сложному вопросу проще всего, если это мнение иметь. Однако для этого его придется-таки составить. Она допила кофе, собралась с силами и отправилась на площадь.

На площади было солнечно, красочно от разноцветных одежд и довольно шумно. Вика не стала проталкиваться в середину, а, приглядываясь и прислушиваясь, бродила по краю, где народу было пожиже. В какой-то момент она добрела до линии крупных мужчин в форме, сцепившихся локтями. Лица у них были закрыты прозрачными щитками, на плечах и коленях защита, будто они на роликах кататься собрались.

Если Вика когда-нибудь таких и видела на фотографиях или на видео – то не присматривалась. В разноцветье гражданских одежд эта почти монотонно серая цепь выглядела мрачно и чужеродно. Догадайтесь, о чем по въевшейся блогерской привычке подумала Вика? Правильно! О том, как на этом фоне будет выглядеть она сама – в розовой футболке, белых шортах и с высветленными волосами. А, кстати, неплохо! Это можно будет запостить и заодно посетовать, мол, смотрите, что за ужас творится. Будет вполне актуальный контент! Она достала

телефон, подняла его перед собой, повернулась к мужчинам в цепи спиной и стала ловить ракурс и момент, чтобы волосы хорошо лежали.

– Хватит щелкать! Убери телефон! – сказали ей в спину.

Вика не обратила внимания и повернулась в три четверти другим боком.

– Убери, говорю, пока не засунул в одно место!

Вика обернулась через плечо, прямо за ней были два бойца – один повыше, другой потолще.

– Что моргаешь! – гаркнул тот, что потолще из-за щитка. – Иди отсюда!

Он даже подался вперед, натягивая цепь и очевидно сожалея, что не может из нее вырваться. Чувствуя себя по той же причине в относительной безопасности, Вика смерила его взглядом:

– Какое же быдло! – подвела она итог и презрительно отвернулась.

Боец потолще даже дернулся, но его удержали. Вика не прислушивалась, что он там бухтит ей в спину.

Она вернулась в кафе, выбрала фотографию получше, настроила свой любимый фильтр «Морской бриз» – все цвета скашивает в песчано-лазоревою гамму – и опубликовала в инстаграме, сопроводив фото здоровым возмущением по поводу хамского поведения бойцов и сетованиями, что вечно собираются те, кому поорать. Нет, чтобы спокойно разобраться!

Совершенно неожиданно для Вики в следующие три часа под постом образовалось три сотни комментариев. Причем писали столько, что и не прочитать, а не как обычно – сердечки и поцелуйчики от подружек. Вот что значит попасть в тренд! Вика даже улыбнулась.

Марина на митинге не была. До того, как она научится интересоваться идущей мимо жизнью оставалось еще семь дней. По заведенному распорядку дня она побывала в торговом центре у дальнего выезда из Экотауна.

– Видела твою на днях, – окликнула ее Галина Николаевна на обратном пути. – Не следишь ты за ней. Не одеваешь!

Марина подошла поближе.

– Здравствуйте Галина Николаевна!

– Голыми сиськами трясти, только неприятностей искать. Пропадет – локти кусать будешь. – не стала отвлекаться на приветствия соседка.

– Как же голыми? – удивилась Марина.

– А то, что все насквозь видать! – осудила Галина топ, в котором Вика отправилась в «Кубик».

Он действительно был весьма летним, а потому тоненьким.

– Ну она же молодая девушка, нарядная... Как же ей?

– А не надо высовываться! Надо место свое знать, а не выпендриваться, – охотно разъяснила Галина и удовлетворенно перешла к другой теме: – Ты это... Устройство-то установила уже?

– Да уже три дня как! – подтвердила Марина. – Толя велел не откладывать, все же должны установить.

– И как оно?

– Не знаю, – улыбнулась Марина. – Во всяком случае не беспокоит.

– Надо мне тоже собраться, – одобрительно кивнула Галина.

– Может, вас подвезти до поликлиники?

– Спасибо, внучок меня отвезет. Договорились уже. Сказал, при первом же отгуле или, как там это у них называется – увольнительной.

В результате регулярных бесед с соседкой Марина была немного с ее внуком знакома, хотя и заочно. Благодаря ему Галина Николаевна и оказалась в новомодном Экотауне. Он оформил на себя ипотеку с минимальным первым взносом и регулярно ее выплачивал. Банк всячески пошел ему навстречу, поскольку он нес службу в одном из подразделений государственных сил – доход приличный, постоянный, а главное, почему бы не оказать пусть даже мелкую услугу государственной силе?

Взамен внук получил старую квартиру Галины в центре города. Еще из тех, которые нарезали из купеческих апартаментов во времена расселения рабочих шарикоподшипникового завода, где Галина почти всю жизнь проработала учетчицей. Считала шарика.

Внуку в центре нравилось больше, что неудивительно. Бабкина квартира находилась ровно посередине линии от «Шарика» до «Кубика», то есть в средоточии молодежной жизни нашего городка.

Переезжала Галина неохотно и все причитала, что, мол, Экотаун этот хваленый всю жизнь был болотом, а она на болоте не может, у нее, мол, от этого проблемы то ли с кожей, то ли с легкими. Но внук проявил настойчивость и решил вопрос, не сходя с места – включил телефон и заказал бабушке китайский климатический комплекс с доставкой и установкой. Шесть минут ковыряния в телефоне и три недели подождать. Несложно.

– Маша из четвертого, тоже собирается, – сообщила Галина ненужные сведения и, видя, что Марина не вполне понимает о ком речь, пояснила: – Маша, с палками которая.

Марина смекнула – речь шла о пожилой подтянутой даме, которая бывало с палками вроде лыжных огибала на прогулке весь Экотаун и даже поднималась на холм, по тропинке сразу за торговым центром.

– Так-то она женщина хорошая, – продолжала Галина, – если бы не глупости эти. Кто в таком возрасте с палками ходит? Я про лыжные! – во избежание недоразумений Галина даже пристукнула своей обычной деревянной палкой, которую держала перед собой. – Она бы еще коньки нацепила!

– А я читала это полезно, – неуверенно сказала Марина. – Называется «скандинавская ходьба».

– Вот она тоже слишком много читает. Она еще и смотрит в интернетах всякое. А всем известно, там большей частью этот... Фейк!

Втягиваться в спор Марина, по обыкновению, не стала.

– Хорошо, – сказала она. – Вы, если что, обращайтесь, пожалуйста.

Соседка кивнула.

Был еще один человек, кроме Марины, на котором система Галины Николаевны слегка сбоила – ее муж, Петр Сергеевич. Он относился к особой категории людей под названием «муж Галины Николаевны», которая, разумеется, из него одного и состояла. Если обычно Галина примеряла живого человека к умозрительному образу, созданному ею из неясно каких соображений, то в этом случае система сработала в обратном направлении – образ категории был срисован непосредственно с Петра Сергеевича. В результате муж Галины Николаевны абсолютно точно соответствовал категории «муж Галины Николаевны», что наполняло саму Галину ощущением, что у нее в жизни все обстоит так, как должно! Это очень приятное ощущение и способствует счастливой и гармоничной семейной жизни.

Пользуйтесь! Если ваш муж не соответствует образу вашего мужа в вашей голове, срисуйте образ с мужа, а не подпиливайте его самого под образ! Очень много материала уйдет на опилки!

Это не я придумал. Так говорилось в розовой книжке, в главе про семейные отношения. Жаль, что ее не читала моя бывшая жена!

Новое видео блогера Дениса Дримкина, выпущенное как раз в день митинга, тоже попало в тренд. Вот как оно выглядело:

– Привет! Не знаю, будет ли это интересно смотреть тем, кто живет в других городах, но у нас это сейчас реально тема номер один. И речь идет о поголовной чипизации населения. Если кто думает, что это какие-то ужасы про превращение людей в киборгов, то это совсем не так – чип вставляют совсем в другое место! – бодро начинает свое видео Денис, сидя за столом в своей дежурной студии. – Но подробности позже. Думаю, всем будет любопытно поглядеть, поскольку мы во всей стране первые. Поехали!

Заставка канала «Dream-n-дрема live» – второй канал Дениса для всяких проходных видеосюжетов.

– Тут у нас по этому вопросу мнения разошлись, – признал Денис и вмонтировал кадры, снятые на митинге. – Как бы мэрия утверждает, что это ради нашего блага, другие сразу против. Даже вот волнения начались. Я, знаете, не буду топить ни за тех, ни за этих. Я решил просто в теме разобраться и вам рассказать. Откуда, мол, чипы взялись вообще. И вот что обнаружил!

Денис достает откуда-то из-за кадра цветастую блистерную упаковку с иностранными надписями и поворачивает к камере.

– Оказывается, это разработка одной голландской компании, и это совершенно безобидная штука. Знаете, что здесь написано? Я тоже не знал, тут, разумеется, все по-голландски, но гугл-переводчик мне в помощь! Написано тут: «Рядом – это весело!». Видите, тут на картинке довольные голландские тинейджеры улыбаются.

Денис взламывает упаковку, вытаскивает пластиковый пистолетик и сопроводительные бумажки.

– И вот как это работает – берете этот пистолет, снимаете заклепку, приставляете к одному месту, я на себе показывать не буду, вот тут в инструкции есть картинка. Это, наверное, для бельгийцев, которых голландцы за людей не держат. Нажимаете и дело в шляпе! То есть чип в заднице! Затем устанавливаете специальное приложение на телефон и вводите туда свой номер чипа. И вот тут главный фокус!

Денис многозначительно поднимает палец.

– Эта штука вовсе не для отслеживания, где вы есть. Это ее совершенно побочный и случайный эффект! Эта штука, чтобы было веселее встречаться с друзьями. Работает это так – вы можете внести в ваше приложение номера чипов ваших друзей. И не надо вбивать все эти цифры и буквы, разумеется, достаточно поднести телефон к пятой точке симпатичного вам человека. Звучит диковато, но что поделать.

А дальше если этот симпатичный вам чип находится рядом, то он связывается с вашим и ваш чип генерит...

Денис разворачивает довольно объемную бумагу с маленькими голландскими буквами.

– Этого я не прочитаю даже с переводчиком. Генерит какие-то молекулы, которые заставляют ваши нейроны вырабатывать то ли дофамин, то ли эндорфин... Короче все эти гормоны радости. Я знаю, что мне сейчас напишут в комментариях – что это ужасно, что стоит себе такой поставить и будешь, как мышка на электроде, вечно счастливый слюни пускать. А вот и нет!

Эффект от срабатывания чипа очень маленький. Сравнимо, как если кто-то поставил тебе лайк в соцсети. Все же радуются при виде лайка, правда? И никто еще от обилия лайков

не умирал, тем более, что тут сказано, что чип имеет предохранитель и больше определенной дозы не выпускает... Бла-бла-бла...

Денис прихлопывает бумагу к столу ладонью.

– Короче, если вы с друзьями собрались на тусу, то ваши чипы начинают друг другу подбрасывать эти сигналы и теревить ваши нейрончики в мозгу. И что происходит? Вам реально весело! Расслабляет, отпускает будто вы на этой тусе слегка приняли и напрыгались на танцах. Вот и все! Не вреднее стопки водки, а то и безопаснее.

Денис снова берет бумагу, переворачивает.

– Конечно, как всегда, самое важное в конце. Во-первых, чип можно отключать. Вот тут опять на картинках изображено – если закрыть рот и с усилием сглотнуть, как бы вжимаясь в себя... – Денис изобразил описываемое, – то чип выключится и перестанет принимать сигналы и вырабатывать эти штуки. А если набрать воздуха резко выдохнуть через рот, расслабившись – то включится опять. Это сначала трудно, а потом, как написано, чип научится воспринимать эти команды почти мысленно.

Ну а во-вторых, всегда можно этот чип удалить. Идете в клинику, хирург вам за пятнадцать минут его вырежет специальным инструментом, без следов и последствий. Точка.

Некоторое время Денис смотрит в бумагу, потом на какие-то листочки с переводом на столе.

– Правда, клиники перечислены только в Голландии.

Как выяснилось, успешное «вхождение в тренд» зависит не только от актуальности темы, но и от множества сопутствующих моментов. Если у Вики в ее маленьком блоге случился рекорд активности, то у блог-звезды Дримкина начались одни только трудности.

Видео про голландские чипы стало у него первым, получившим больше дизлайков, чем лайков. Мнение публики, выраженное в весьма экспрессивных комментариях под видео, сводилось к тому, что Денис «продался».

– Всем блогерам бабла отваливают, чтобы они чипизацию продвигали!

– И этот туда же, мэрскую задницу лизать! Отписка!

– Ха-ха! Разобрался он! Это китайские чипы для слежения, и чтобы человека вырубить. Никто у нас не будет на голландские чипы тратить.

– Запаслись попкорном, ждем, когда Дениска себе чип вкалывать будет...

Это несколько высказываний из тех немногих, которые можно в книге опубликовать.

Денис расстроился. Он даже записал и выложил специальное обращение, в котором утверждал, что денег не брал, хотя ему, действительно, предлагали. И предлагали немало! Но он, мол, как честный человек, отказался, просто сам хотел все разузнать, как оно есть на самом деле.

Комментарии к этому обращению в книгу точно не вставишь. Мягко говоря, ему не поверили.

Волноваться за Дениса, впрочем, не стоит – сильного урона это ему не нанесло. Понимаете – продался он или нет, а никого другого, кто готов был бы зримо осуществить их мечту, у зрителей под рукой не было.

День четырнадцатый

– Какие еще «веселее вместе»?! – орал господин мэр в телефон, обнаруживая тем самым, что не чужд современным медиа. – Что вы мне подсунули?

Он несколько раз шумно выдохнул, слушая ответ.

– Да на меня теперь все пальцем показывать будут! Насмешил целый город! Мы не это планировали... Вы не это обещали! – он подышал еще немного. – Не надо меня успокаивать! Весело им!

Телефон стукнул об стол.

– Весело им вместе!.. Идиоты... Света!

Секретарь господина мэра была очень толковой и расторопной. Интонация и сила выдоха, с которой господин мэр выкрикнул ее имя, означала примерно на полтора пальца шотландского односолодового двадцатичетырехлетней выдержки и кофе без кофеина.

– Устроили посмешище! – буркнул господин мэр, когда Света внесла требуемое на подносе.

– Может, так и лучше? – сказала она. – Охотнее устанавливать будут?

Господин мэр принял первый глоток успокоительного и поглядел на ситуацию с предложенного угла зрения.

– Ладно, – сказал он и добил успокоительное. – Учить еще меня будешь...

Света вышла. Ее идея господина мэра все же утешила, но только отчасти. Полностью змееподобные извивы неприятных подозрений его не отпустили, он был насторожен и немного растерян, словно у послушной доселе лошади, запряженной в его телегу, вдруг появились свои представления о цели путешествия.

Ошибка господина мэра, а точнее умов из «Полностроая», состояла в том, что они попытались применить плоды прогресса для консервации состояния дел. Прогресс штука живая, творческая и изобретательная. И его плоды – зараза такая! – имеют тенденцию пускать ростки в неожиданных направлениях и расцветать незнакомыми цветами. Именно из-за их новизны ты и не знаешь, что с ними делать. Рубишь отросток – они выпускают три новых, срываешь цветок – они отращивают шишки. И как из этого построить надежный забор?

Прогресс всегда идет быстрее, чем ты успеваешь от него огородиться, потому что им в охотку занимается много голов, а заборы строят только из-под палки. Прогресс рождается из врожденного человеческого желания заглянуть за горизонт, а причина возведения забора всегда наведенный снаружи страх. Где больше энтузиазма, а вслед за ним и изобретательности? Или как спросили бы в розовой книжке – у кого больше удовольствия от мысленной картинке? У того, кто на ней ставит решетки и цементирует щели, или у того, кто получает лайки за свои достижения?

Откуда я знаю о телефонном разговоре господина мэра? У секретаря Светы есть подруги, которые сами по себе без всяких гаджетов являются социальной сетью со встроенным мессенджером. Фотографию по нему не перешлешь, но рассказы из жизни начальства распространяются моментально.

Вот чего я не знаю, так это как отреагировали в небольшом голландском стартапе, когда им пришел заказ сразу на двести с лишним тысяч чипов! Уверен, что кто-нибудь сказал по-голландски, разыскивая крохотное пятнышко со странным для него названием на гугл-карте:

– Кто бы знал, что эти русские такие дружные ребята! Хотят быть вместе целым городом!

Анатолий Антонович голландцев бы расстроил. Он не только не хотел быть рядом с кем-либо, но прямо наоборот занимался самоизоляцией. В частности, он не пошел на митинг, поскольку, разумеется, не верил в действенность всего этого кликушества – все важные вопросы решаются важными людьми безо всяких площадей и толп. Однако тихо булькающее общее беспокойство постоянно производило пары раздражения, которые начали собираться в полостях организма и давить изнутри наружу. Посетить митинг и просто поорать про наболевшее – не такой уж плохой способ стравить давление.

Тем не менее он хорошо помнил про то, что «сейчас не время бузить», и был с этим согласен.

Кроме того, ему и без митингов было чем заняться – нужно было срочно изыскивать материалы для новой набережной у Экотауна. Полностроевцы вот-вот подпишут контракт, а дальше начнется обычное: «Давай быстрее, все должно быть готово вчера!» Нужно было подобрать опалубки и сваи, договориться об аренде кое-какой техники и доставке песка, перераспределить собственных людей и нанять временных – хлопот хватало. Анатолий Антонович даже испытывал от этого определенное удовольствие. Во всяком случае, решать надо было вполне конкретные и понятные вопросы, которые можно было выразить в суммах, метрах или тоннах. Это он умел и даже любил делать. Никаких там туманных и аморфных штучек вроде какой-нибудь «порядочности». Ближе к вечеру Анатолий чувствовал себя уже почти совсем хорошо, но тут ему позвонили.

– Толик, – спросили его жестким голосом, – ты совсем потерял способность к адекватной оценке обстоятельств из-за временного помрачения рассудка?

Конечно, все, что шло после «совсем», было выражено одним емким словом, но смысл я передаю достаточно точно.

– А что вам не нравится? – обозлился Анатолий.

– Не прикидывайся, – сказал телефон. – Не нравится сумма.

– Сами сказали, что все будет по проекту! А это столько и стоит.

– Ты не видишь, что в городе делается? – уточнила трубка. – Знаешь, сколько у мэра уходит на то, чтобы это все погасить? И догадайся, откуда он откусывает.

– Я не могу делать дешевле, забесплатно я вам ни материалов, ни...

– Толик, не загружай беседу несущественными отговорками, – прервали его, правда, снова не совсем такими словами. – Ты свой интерес закладывал? Ну так вычеркни. И найди, где можно подрезать. Не до жиру сейчас. Город спасать надо. Давай новый контракт и быстро.

Разговор прекратился.

Анатолий точно знал, что город беспокоит его собеседника в самую последнюю очередь, но сказать это вслух, конечно, не мог. Он со своей лесобазой был даже не в середине пищевой цепочки, он был со всех сторон повязан обстоятельствами и обложен порядком вещей. От хорошего настроения не осталось и воспоминания. Надо было как-то выживать, как-то успокоить нервы. На ум приходил только один верный способ, который от устройства пищевой цепочки не зависел, и Анатолий Антонович набрал нужный номер.

– Ты когда планируешь чип ставить? – спросила Марина, подавая рулетики из бекона, начиненные мелко порубленным куриным филе с яйцом, в сопровождении салата с отжатой и обжаренной в кипящем масле картофельной соломкой.

– Я не планирую, – сказала Вика. – Я пока не согласна.

– Хочешь, я могу тебя отвезти?

– Я же сказала – я не знаю!

– Хорошо-хорошо! – Марина принесла дочери высокий стакан клюквенного морса собственной варки, она умела делать так, чтобы некисло. – Или вот с соседкой нашей, Галиной, можешь съездить. Ее внук повезет. Заодно и поможешь, если вдруг что. Она женщина пожилая.

– Мама! Ты сказала «хорошо-хорошо», как будто меня услышала!

– А я что? – обеспокоенно удивилась Марина. – Не услышала?

– Я еще не решила! – раздельно произнесла Вика.

– А! Ну да. Хорошо-хорошо.

Вика уже давно освоила этот способ общения, практически с самого детства. Ее мать всегда была немного отвлеченной, рассеянной, слегка из параллельной реальности. Она могла вместе с детьми смотреть фильм, где герои, скажем, собирались за обеденным столом и вели остроумный диалог, и ни разу при этом не улыбнуться.

– Мама, тебе не смешно? – спрашивал Эдик.

– А они шутили? – удивлялась Марина. – Надо же, а я все смотрела, как они индейку нафаршировали.

В другой раз она могла вдруг тягостно вздохнуть, глядя, как герой новенького сериала проделывает во враге огромную дыру с помощью помпового ружья.

– Ты чего? – спрашивала Вика.

– Хороший был молодой человек.

– Мама! Он уже пятнадцать минут, как зомби!

Семейство, однако, приноровилось с этой марининой расфокусированностью взаимодействовать. Если маме не давать сбиться с курса и напоминать, что она сказала в предыдущей фразе, то она становилась понимающей, деликатной и покладистой собеседницей.

Скажем, Марина ведь донесла-таки мнение Галины Николаевны по поводу пресловутого топа до Вики.

– Ты не думаешь, что немножко это вызывающе как-то? – сказала она, охватив жестом голые плечи дочери, провожая ее как-то в прихожей. – Все так тоненько. Мальчики же смотреть будут.

– Думаешь, если я глухой свитер натяну, они не догадаются, что под ним?

– Ну да, – согласилась Марина. – Тут ты права.

– Ладно, мама. Тогда пока, – Вика поцеловала мать в щеку.

– Пока... Но вот Галина говорит, что...

– Мама! – развернулась Вика уже от двери. – У этой Галины стандарты рабовладельческих времен. И вдобавок ты сказала, что я права.

– Ах! Точно! Сказала... – и Марина улыбнулась дружелюбно. – Будь, пожалуйста, осторожна.

Наверное, это Марину и спасало. Никакие советы Галины Николаевны и других радетелей она никогда не исполняла в точности. Все они опускались в ней на самое дно, как чайный лист в стакане кипятка, оставляя после себя только привкус. Со временем чужих наставлений и соображений на дне у Марины накопилось на хороший археологический слой. Могло бы показаться, что сверху из разнообразия привкусов получилась совершенная бурда, но это не так!

Однако в этот раз прием возвращения матери в колею сработал у Вики не полностью.

– А вот это ты видела? – Марина положила свой телефон рядом с тарелкой рулетиков из бекона и запустила последнее видео Дримкина.

Несколько минут Вика молча жевала салат, узнавая о голландской подоплеке чипсов и хорошем совместном времяпрепровождении. Это некоторым образом меняло картину.

– Я еще подумаю, – пообещала Вика по окончании просмотра и получила от матери радостную улыбку и кексик с жидким шоколадом внутри на десерт.

Тика принимала Анатолия Антоновича согласно всем традициям, но без удовольствия. Анатолий Антонович, как правило, представлялся ей в голубовато-зеленоватых тонах, как в скандинавских сериалах с сильной цветокоррекцией. Это производило на нее освежающее впечатление. В этот раз он предстал в оттенках сепии, как в сериале про войну в пустыне, отчего все казалось каким-то душным и жарким. Тем не менее Тика старалась сохранять обычный ход вещей: надела чулки и халатик, пахла вишней в сливках, улыбалась, поддерживала беседу, перетерпела прикосновения цвета красного песка, не сбежала из квартиры, пока Анатолий принимал душ, и, наконец, оказалась в кровати, ничем себя не выдав.

Перед ее мысленным взором были две картины одновременно. Одну занимал раздутый до размеров слона Анатолий Антонович, потеющий, набычившийся, нависающий над хрупкой фигуркой самой Тики в левом нижнем углу. Отвратительно! На другой было распахнутое в синюю даль окно, за которым виднелась та же хрупкая фигурка, вприпрыжку идущая к свободе. Прекрасно!

Единственная проблема второй картинки была в том, что Тика на ней шла и шла, но никуда не двигалась. Сразу за ее фигуркой даль совсем уже размывалась синевой. Может она выгнать Анатолия, который фактически лишил ее будущего в этом городе? Да. Может он тогда сделать гадость и отобрать эту квартиру? Тоже да. А если дом не рухнет? Получится, что она сама себя выселит?

Анатолий, продвигаясь к своему облегчению, обхватил ее руками поперек спины, сильно прижимал к себе и пыхтел в шею, а она смотрела в угол потолка и, почти ничего не чувствуя, думала о том, что с ним покончено, это факт, но нужно потерпеть и посмотреть, чем закончится дело с фундаментом. Если дом устоит, расстаться надо будет мягко, лучше оставить его в друзьях. Если же обвалится...

Тика обнаружила, что созерцает себя в образе одной из супергероинь кинокомикса в последние секунды финальной битвы с главным негодяем. Тика себе понравилась. Она не знала, что этот образ восходит еще к Эриниям – богиням мести и ненависти.

Впервые за вечер Тика улыбнулась, но Анатолий Антонович этого не заметил.

Дома Анатолий Антонович, наподобие господина мэра, на полном ходу столкнулся с плодами прогресса, как влетевший в стаю гусей самолет.

– А к кому ты заходил? – спросила Марина, подавая на стол кабачковые оладьи и запеченные бараньи ребра.

– К кому? – как бы недопонял Анатолий, чувствуя, как гусиные тушки выламывают лопатки турбины в левом двигателе.

– Я тебя ждала, посмотрела по чипу, ты часа два провел в шестом корпусе.

Анатолий положил в рот половину оладьи и, двигая челюстями, повел плечом. Дышал он с трудом. Прогресс, обернув горло удавкой, начал потихоньку вытягивать свободный конец.

– К коллеге заходил. Обсудить кое-что... – пробурчал он сквозь кабачки.

– Я и не думала, что у тебя тут кто-то живет, – улыбнулась Марина и пошла поставить чайник. – Я его знаю?

В ее голосе звучало столько искреннего недоумения, что баранина сбилась в горле в комок, вместо того, чтобы растаять на языке. Анатолий ее проглотил и как-то сгорбился над

тарелкой. Две независимые картинки в его голове с жестяным скрежетом входили друг в друга, как два сталкивающихся океанских танкера. Вроде и скорость никакая, да из-за массы инерция непреодолимая. На краях картинок заискрило, затлело, потянуло горьким дымом.

– Нет, – сказал Анатолий и снова забил рот оладьями.

Он видел себя могучим, сильным, но опутанным цепями почти до полной неподвижности, вроде иллюстрации к древнегреческому мифу, скажем, о Прометее. Хотя если бы эту картинку вывести прямо у него из головы на принтер и показать людям, многие бы сочли, что скорее он похож на перевязанную для запекания в духовке курицу. Иногда впечатление сильно зависит от угла зрения, конечно. В картинку Анатолия, в образе клюющего печень орла, влезла Марина.

– Все получится? – спросила она. – Ну то, что обсуждали?

Анатолий Антонович подумал, что теперь придется каждый раз объяснять задержки в шестом корпусе. Картинка с цепями разделилась, как амeba, и их стало две. Потом четыре, потом больше. Они выстроились в ряд и стали листаться, как страницы книги, если бывают такие толстые книги с одной и той же иллюстрацией на каждом развороте. Баранина забила пищевод и, кажется, заблелала.

От полного коллапса Анатолия Антоновича спас хлопок входной двери. В столовую заглянул Эдик.

– Ты где был? – тут же спросил отец.

Прозвучало это неожиданно грозно. Эдик удивился.

– А что?

– А ничего! – жестко обозначил свою позицию Анатолий Антонович. – Хватит по ночам шляться!

Эдик округлил глаза.

– Ты в курсе, что мне двадцать четыре?

Анатолий Антонович не знал в точности, что происходит с детьми, когда они вырастают. Его представление о них начиналось с вида почтительно прислушивающихся лиц и им же заканчивалось. Какого-либо другого выражения детских лиц, а тем более собственного детей поведения, в его мысленной картине не было.

– Но ты все еще сидишь на моей шее!

– Деньги на жите ты уже мне перестал давать, хочешь вообще из дома выгнать?

Ничего такого Анатолий Антонович не хотел. Это было против желанного образа.

– Я хочу знать, где ты бываешь! – попытался смягчить он ситуацию.

– Сядь поешь... – попыталась помочь смягчить ситуацию Марина.

– Тотальный контроль? Большой брат в действии? – не захотел смягчаться Эдик и вздернул, как ему казалось, гордый бунтарский подбородок.

– Что вы кричите опять? – спросила из коридора Вика.

– Ничего! – хором сказали отец и сын, и оба смутились.

Анатолий Антонович наколот на вилку последние пололады.

– Чтобы завтра же поставил чип!

– У меня есть, чем завтра заняться!

– И чем же это?

– Борьбой против тотальной слежки! – Эдик развернулся и вышел.

Анатолий Антонович уперся взглядом в тарелку и запихал оладью в рот. Он не хотел смотреть на жену, потому что она удивительным образом пробуждала в нем желание прилечь к Эдику и тоже побороться против слежки. Увы, он был уже недостаточно гибок, чтобы двигаться в двух разных направлениях одновременно.

Проблемы с фундаментом, непослушные дети, чип в зад и шестой корпус в телефоне жены... Анатолий Антонович видел и чувствовал себя брошенным камнем, который растрес-

кался в воздухе. Куски еще летят рядом почти по одной траектории, но уже не связаны друг с другом. Не самое уютное ощущение.

Эдик, кстати, весь вечер был на совете по планированию следующих городских акций против чипирования. Было решено напечатать еще разоблачающих листовок. Все скидывались, кто сколько мог, завели электронный кошелек для пожертвований. Эдик скинуться не мог, поэтому строчил воззвания в соцсетях со свежесозданного аккаунта комитета «чипамНет!».

Название «Зады без насилия!» отклонили как двусмысленное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.